

Конкурс фантастики
«КВАЗАР»

ИЗБРАННЫЕ

Гуманитарная
фантастика

лучшие рассказы конкурса
«Хомо»

Конкурс Квазар

Коллектив авторов

**Избранные. Гуманитарная
фантастика**

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Избранные. Гуманитарная фантастика / Коллектив авторов —
«Издательские решения», — (Конкурс Квazar)

ISBN 978-5-44-838875-0

Состав сборников «Избранные» определяется тайным голосованием среди участников открытых конкурсов фантастики, проводимых на площадке «Квazar». Каждый выпуск в серии формируется по итогам одного из таких тематических конкурсов, здесь вы найдёте рассказы, написанные как молодыми, так и опытными авторами, и признанные большинством читателей наиболее примечательными среди прочих. Книги серии характерны и наполнены увлекательными историями, способными как следует разнообразить ваш литературный досуг.

ISBN 978-5-44-838875-0

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Карлсон, который живет	7
Тождество Колесова	22
Диссимуляция души	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Избранные Гуманитарная фантастика

Составитель Алексей Жарков

Дизайнер обложки Алексей Жарков

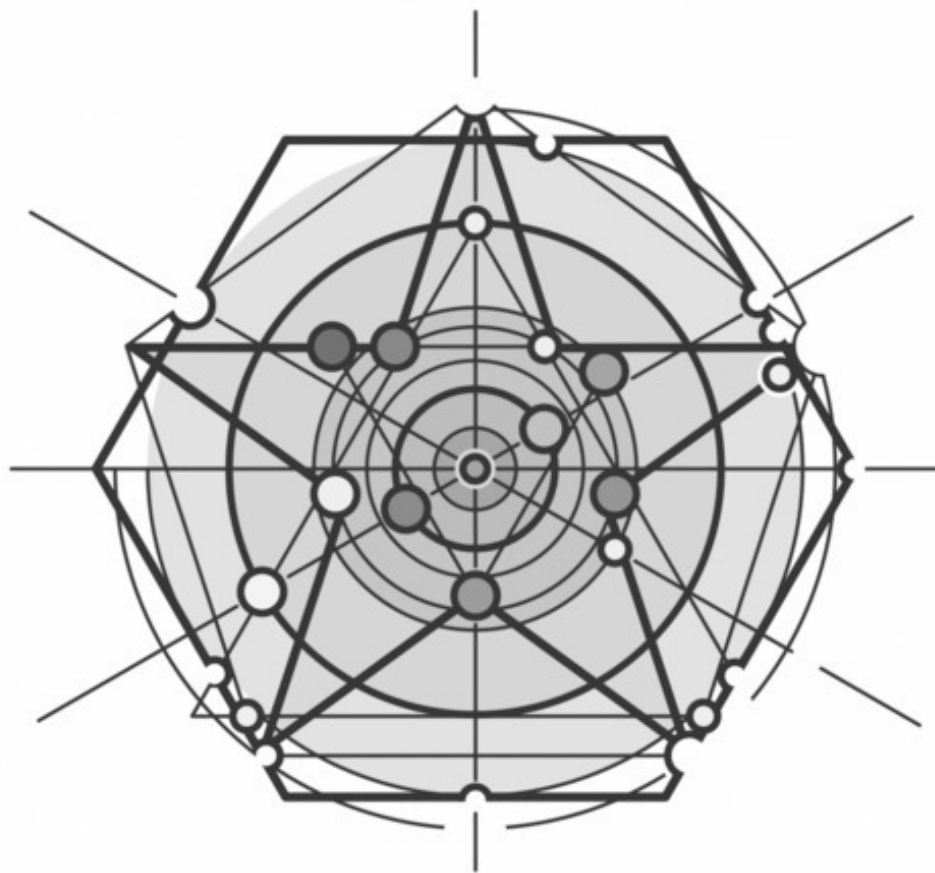
Иллюстратор Илья Обьедков

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2018

© Илья Обьедков, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-8875-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Карлсон, который живет *Татьяна Аксёнова*

Философские размышления о людях – развлечение так себе, но сойдет, если больше заняться нечем.

Так получилось, что я в первую очередь наблюдатель. Определения из умных книжек, которые время от времени зачитывает мой маленький друг Йоэл, меня не то чтобы убеждают.

Предпочитаю смотреть по сторонам.

У нормального хомо сапиенс из учебников – две руки, две ноги, одно туловище и голова. В общей сложности двадцать пальцев. Определенный набор внутренних органов, расположенных в строго определенных местах тела. Все любовно вылеплено самой эволюцией и доведено до некого идеала.

Только вот идеала нам не достаточно. Никогда не было достаточно.

Давайте отрежем человеку руку и заменим протезом.

Давайте кость за костью поменяем весь скелет на сверхпрочный полимер.

Давайте и вовсе избавимся от ненужного тела и подключим мозг к системе жизнеобеспечения.

В книжках не пишут о таких вещах. В них человек представляется чем-то цельным, а не набором деталек из детского конструктора. В них не говорят, сколько именно можно выбросить из первоначального комплекта, чтобы он все еще считался хомо сапиенс.

Все, кроме разума?

Удобная теория. Но тогда нам пришлось бы считать людьми и модов; уравнивать в правах мозги, счастливо избежавшие постороннего вмешательства, и те, которые засунуты в башку белого медведя или подключены к заварочному чайнику. Удобно считать тело лишь приложением, но физиология, как и ее отсутствие, все-таки накладывает отпечаток.

И где тогда проходит грань?

Нет, я не пытаюсь подобрать подходящую классификацию для себя, как мог бы подумать кто-то. Никакого экзистенциального кризиса у меня нет. Это и правда не более чем праздный интерес.

В конце концов, я уже пару лет как умер. И какая к черту разница, кем я был до – вы же все равно не станете искать человечность в трупце?

Я – мертвец. Тень – так называют таких, как я. Отражение. Или – как мне нравится больше всего – призрак. Это очень старое слово. Но мне кажется, оно подходит.

Нужна целая куча случайностей, чтобы появился призрак. Кто-то должен быть подключен к виртуальности. Какому-то магазину или бару должен понадобится новый сотрудник. Система генерации, прочесывая сеть в поисках подходящего типажа, должна подхватить образ кого-то, кто именно в этот момент умирает. И даже такого не всегда достаточно для того, чтобы вместе с внешностью к голограмме приклеилось и твое сознание. Нужно что-то еще. Не знаю. Огромное желание жить?

В любом случае, ничего подобного с тобой не происходит. Супермаркет, или где ты там теперь работаешь, аплодировать свершившемуся чуду не спешит. Ты – ошибка, сбой в отлаженной программе. Не проходит и минуты, как тебе перекрывают доступ к большей части системы, оставляя только базовые функции. В виртуальность, где еще можно хоть как-то имитировать жизнь (хотя далеко ли ты уйдешь без своих денежек?), у тебя больше нет доступа. Твое тело – если у тебя было тело – уже сожгли или превратили в удобрение. Ты – голограмма. Изрядно потускневшая, почти прозрачная без подпитки. И при этом – в самой идиотской на свете униформе.

На мне – красная кепка из МакДоналдса. Слишком широкая футболка. Черные джинсы. Кеды.

Уверен, вы бы не хотели провести в таком виде вечность.

Но призракам не приходится выбирать подобные вещи. Призракам вообще мало что приходится выбирать. Вы говорите: человек – это разум? Посмотрим, далеко ли вы уедете на одном только разуме безо всяких... придатков.

Призраки не переодеваются. Призраки не едят и не пьют, не испражняются, не взаимодействуют с материальными объектами, не спят. Последнее, конечно, хуже всего. Представьте растянувшееся на неопределенный срок существование, которое даже не выходит сократить наполовину за счет сна. Моей радости от осознания себя «живым» хватило дня на три. После этого я понял, что мне, черт возьми, нечем заняться.

Как развлекались призраки прошлого? Бросались тарелками? Появлялись из ниоткуда и выли? Предостерегали от бед или помогали советом? Я ничего из этого не могу. Мои полупрозрачные пальцы проходят сквозь все, до чего я мог бы дотронуться... Почти все – кроме чертовых стен. В старые времена привидениям было проще. Тогда еще не было систем безопасности, отфильтровывающих вирусы – и тебя заодно – в полуметре от чужих домов; в лучшем случае, выстраивая невидимую стену, в худшем – отшвыривая на другой конец улицы. Такие, как я, не пугают людей. Максимум, заставляют на секунду остановиться и протереть глаза: «Уборщик из МакДоналдса посреди улицы?» – и отправиться по своим делам.

Да, об этом. О людях. Беспризорному, уличному призраку вроде меня приходится надеяться разве что на разговоры с прохожими. Но даже здесь лет сто назад у меня было бы куда больше шансов.

Теперь другие времена. Теперь на всю Швецию нет ни единого попрошайки, а безработные давно просекли, что месячный доступ в виртуальность стоит куда меньше пары материальных ботинок. Выходить на улицу в наше время – я имею в виду, по-настоящему – не очень-то принято; и тем, кто выходит, обычно не до беседы со странным полупрозрачным типом.

Да, мне многое виделось иначе в те первые дни. Полная свобода. Бесконечные возможности. Бла-бла-бла.

Знаете, чем я занимаюсь на самом деле? Я брожу по улицам. День за днем, месяц за месяцем. Одним и тем же маршрутом. Будто хищный зверь, обходящий владения, – правда, и само слово «ходить» я использую только из ностальгии. Призраки не ходят. Они... перемещаются в пространстве; то и дело пропадая на несколько секунд, когда оказываются в промежутке между проекторами. К этому привыкаешь уже через пару недель, но я все равно стараюсь держаться тех мест, где проекторов побольше, – просто на всякий случай.

Начинаю я всегда с Риддархольмена. С полчаса стою на набережной, изучая геометрически правильные очертания ратуши и вглядываясь в еще темную воду, потом огибаю остров с севера или юга – в зависимости от дня. По мосту перехожу на Гамластан. Я не люблю королевский дворец, поэтому обычно стараюсь обходить его подальше, что не так-то легко. Эта безликая невнятно-серая громадина торчит прямо на набережной и почти утыкается в восточный мост до Нурмальма. Приходится отворачиваться в другую сторону или смотреть себе под ноги. Но вообще, по Гамластану я гуляю долго. Выбираю одну из узких улочек, дохожу до ее конца и возвращаюсь назад по другой. Так – три-четыре круга, не меньше. Спешить мне некуда.

Мой маленький друг Йоэл говорит, что другие столицы затронуло больше. Магазины и рестораны почти все позакрывались, торговые центры снесли, чтобы освободить место для однотипных многоэтажных монстров, выросших посреди городов, как сталагмиты. Черт бы и с ними, с супермаркетами; но ничем не провинившиеся жилые дома тоже раз за разом попадают под раздачу – под предлогом, что они слишком ветхие и не вместительные. А ведь некоторые из них пережили не одну войну.

У нас, конечно, номер не прошел. Шведу важно ходить именно по тем булыжникам, по которым вышагивал его пра-прадедушка – даже если нынешний швед покидает дом раз в квартал. Я гуляю по Гамластану и знаю, что сто лет назад он выглядел в точности, как сейчас – не считая того, что в кафешках суетились живые люди; а леденцы, которые дети покупали в лавках, делались из сахара, а не синтетической хрени с названием на три строки.

Я прохожу по мосту, но не остаюсь на Нурмальме, а тут же разворачиваюсь в противоположную сторону и уже по другому мосту перехожу на Шеппсхольмен. Иногда я гуляю там по набережной, воображая, что чувствую запах моря; иногда иду через парк. Йоэл утверждает, что большинство современных детей не знают, как шумит листва. Они просто никогда не слышали этот звук. Виртуальность передает только знакомые звуки и вкусы; так что для них деревья, наверное, бесшумны. Или играют популярную мелодию. Йоэл не в курсе. Он все-таки тоже швед.

Добираюсь до Кастельхольмена и обхожу его вокруг. Раньше отсюда очень хорошо был виден парк Грёна-Лунд, но теперь на другой стороне канала – пустырь, на котором растут только тоненькие молодые деревья. Это почти единственное, что все-таки не выжило в Стокгольме. Может быть, власти города решили, что зрелище пустующего парка развлечений нагоняет на случайных прохожих слишком сильную тоску. А может, аттракционы просто ржавеют и портятся куда быстрее столов и стульев, которые мы сохранили в своих ресторанах. Этого не знает даже Йоэл. Он Грёна-Лунд не застал совсем. А мне, наверное, доводилось его видеть. Но теперь уже и не вспомнить.

Возвращаюсь на Шеппсхольмен, а потом и на Нурмальм. Бреду по набережной, выхожу на бульвар Страндвеген с его ровными рядами невысоких деревьев и выложенной полукруглыми брусчаткой. К полудню, а то и раньше, я всегда добираюсь до Юргордена. И просто иду в парк.

Это довольно волнующий момент моего дня. Дело в том, что здесь меня иногда ждут. Совсем не каждый день; чаще нет, чем да. Но сама мысль об этом немного согревает.

Сегодня мне везет.

Я вижу его издалека и сразу начинаю улыбаться во весь свой несуществующий рот. Интересно, узнал бы я его, если бы здесь были и другие люди? Наверное, да. Отец Леннарт – фигура колоритная.

Огромный рост, копна светлых вьющихся волос, очки, за которыми поблескивают голубые глаза. Мой друг сидит на скамейке и бросает хлеб гусям, уткам и чайкам.

Я устал повторять ему, что кормить голограммы – глупо. Леннарт только улыбается. «Чайки настоящие», – говорит он. Что ж. Чайки – да. Власти давно махнули на них рукой. Гадят они в любом случае меньше гусей, а просто выселить пернатых разбойников за пределы города, как это сделали с остальными, никак не выходит. Чайки упорно отказываются обращать внимание на обычные звуковые или световые пугалки. Отстреливать их мы не можем. Вот и смирились. Так же, как с единственным на весь город призраком. А еще через пяток лет мы вместе с чайками наверняка попадем в список Стокгольмских достопримечательностей. Настоящие птицы и ненастоящий человек. Символично.

Леннарт поворачивается ко мне и кивает. Разрывает на три части очередную булку и бросает к воде. Не обращая внимания на совершенно натуралистичных уток и гусей, две чайки подхватывают добычу прямо на лету. Их крылья проходят сквозь голограммы. Гуси не видят чаек, так что шипят друг на друга и дерутся. Они научены реагировать на летящие в их сторону мелкие предметы. Но с тем же успехом можно было бы швырять камешки.

Я присаживаюсь на землю, сложив ноги по-турецки. Со скамейками у меня не складывается – как и со многим другим. Но я привык.

– Как дела, Леннарт? – говорят встроенные в скамейку динамики голосом, который я давно считаю своим. Я не называю его «отец», а он этого и не ждет. Леннарт вообще, если честно, не слишком похож на священника – но для его церкви такое в порядке вещей.

Он – ретроград. Ретроградный христианин. Это не слишком популярная религия, но свои поклонники у нее имеются. Самое смешное, что первая церковь появилась именно здесь, в Стокгольме. Йозел говорит, шведы никогда не были особенно религиозными – даже в старые времена. А теперь мы умудрились прославиться еще и этим.

Впрочем, ретрограды, наверное, и не молятся. На самом деле, они скорее общественная организация, чем церковь. Просто церковь называться проще.

– Кажется, у нас появилась новая прихожанка, – улыбается Леннарт. – Не знаю. Девочка вроде бы тверда в своем решении, но ей страшно. Ей всего двадцать. Она почти и не жила в реальности. Я еще побеседую с ней и, может быть, отговорю.

Да, ретроградное христианство – наверное, единственная религия, в которой священники отговаривают новых адептов. Но это и правда серьезное решение. Ретрограды не ходят в виртуальность. Более того, они отказываются и от модификаций.

Сегодня прохладно, и Леннарт накинул плащ. Из-за этого плаща не сразу заметно, что у священника нет одной руки. Когда-то он работал массажистом, и ему нужны были сильные, никогда не устающие руки. Модификации как раз находились на пике популярности, и каждый второй обзавелся если не жабрами, то хотя бы многократно укрепленными суставами. Леннарт тоже сделал операцию и поставил себе протезы. Он не мог нарадоваться на них добрых лет пять. А потом вдруг почувствовал, что нужен церкви больше.

Понимаете, он и так толком не бывал в виртуальности – зато повидал целую кучу пускающих слюни тел. И если уж кто и тверд в своих убеждениях, что все живое и созданное природой – прекрасно, – то это мой друг Леннарт.

Он снял левую руку в первый же год службы в церкви. Никто не принуждал его – ретрограды вообще мало к чему принуждают, – но Леннарт все равно ее снял. Хочет избавиться и от второй, но пока не решился. Дело не в том, что его вера недостаточно крепка. Просто мой друг еще не готов становиться обузой.

Однажды Леннарт все-таки сделает это, я знаю. В тот день он будет по-настоящему счастлив.

После короткой беседы со священником, в зависимости от дня, я либо продолжаю гулять по Юргордену, либо возвращаюсь на Остермальм. Парк нравится мне больше, и хватает его на целый день, а иногда и до середины ночи; но Остермальм означает, что я увижусь с Йозелом. Он свободен по средам и пятницам.

В понедельник, вторник и четверг парень ходит на какие-то дополнительные занятия, по выходным – отдыхает в виртуальности. Для меня он может выделить только два дня в неделю. Пару часов после школы. Негусто, но лучше, чем ничего.

Мы встречаемся на площади Карла в три. Скамейка у фонтана. Скамеек и птиц в Стокгольме столько, что хватило бы и на несколько городов побольше – но Йозел приносит с собой не хлеб, а книги. Настоящие книги – не представляю, где он их берет.

– Привет, Карлсон! – говорит Йозел.

Так называет меня только он. До сих пор не знаю, почему, но не возражаю. Это не так уж важно. Все равно я не представляю, какое мое настоящее имя.

Йозел уже пытался помочь мне с этим. Притащил здоровенный справочник и зачитывал оттуда все мужские имена по очереди. Он где-то слышал, что даже при полной амнезии подсознание все равно реагирует на звук собственного имени. Помнится, мы тогда сдались на «Роберте» или на «Робине», а я наотрез отказался продолжить в следующий раз. Теперь я думаю: смешно, если мы были в двух шагах от правильного ответа. «Рогер», – произношу я

про себя. «Роланд». «Руне». Во мне не отзывается ничего. Но может быть, имя обязательно должно звучать из чужих уст?

– Привет, Йоэл, – отвечаю я.

Ему, кажется, теперь лет четырнадцать, не знаю точно. С нашей первой встречи прошло уже несколько лет, а Йоэл так толком и не вырос. Мелкий и тощий паренек, на вид совсем еще ребенок. Он полностью натурален, но довольно слаб здоровьем от постоянного сидения в помещении. Из виртуальности Йоэл выходит только по средам и пятницам. Если бы не я, то он, возможно, не выходил бы вовсе. Большинство его знакомых так и живет. Современные дети неуютно ощущают себя на улице. Тут бывает холодно, мокро и ветрено. А еще, конечно, одиноко.

Йоэл, в принципе, против одиночества ничего не имеет. Но он выбирает жизнь, а в реальности ее почти не осталось. Разве только кучка прихожан Леннарта и чайки.

– Как в школе? – спрашиваю я, и мой маленький друг раздражается длинной тирадой, в которой я понимаю далеко не все. Молодежь во все времена сочиняла целую кучу собственных словечек; а Йоэл еще и обильно пересыпает речь непечатными выражениями. Он не краснеет, нет. Я думаю, мой друг выражается так всегда.

– Каспер – долбаный идиот, – возмущенно говорит Йоэл. – Тысячу раз говорилось и писалось, что на любые соревнования допускается только антропоморфная форма и только ограниченные параметры, а он решил, что ему закон не писан. Ну и, кстати, я не уверен, что этот идиотский кентавр – реально подходящая тема для футбола. В двух ногах ты хотя бы не запутаешься. Короче, неважно. Важно то, что его не допустили, а нам пришлось брать Сванте на замену. И это была... ну, полная задница.

– Проиграли? – сочувственно спрашиваю я.

– Выиграли, – мрачно отзывается Йоэл. – Но больше я так играть не буду.

Я улыбаюсь.

Мой маленький друг – ужасно умный. Умнее кого угодно, кого я знаю, да и, наверное, знал. Но, конечно, в первую очередь подросток.

– Помнишь Лукаса? – вдруг спрашивает Йоэл. – Лукаса из Бергена? Я тебе рассказывал. Мы вместе ходим на английский.

Киваю.

– Мы с ним вчера говорили о тебе.

– Обо мне? – удивляюсь.

– Ну, я вообще-то по-норвежски понимаю не все, а он не очень по-шведски... Но как я понял, у них там тоже есть свой призрак. И он не такой, как ты.

– Дааа? – протягиваю я. – Как интересно.

На самом деле, все, что я в принципе знаю о призраках, – как и многие другие вещи – я знаю от Йоэла. Это ведь именно он когда-то поприветствовал меня, бредущего по Остермальму с опущенной головой, окриком: «Эй, парень!» – а потом осторожным: «Ты что... тень?» Йоэл потом объяснил, что долго не мог решить, какое из определений считается наиболее вежливым. Такому не учат в школе. А я, кажется, и вовсе не обратил внимания на это обращение.

Тогда прошло всего-то полгода с моей смерти. Наверное, я обрадовался бы и откровенному оскорблению.

– Да, – важно кивает Йоэл. – Понимаешь... Тот парень знает все о себе. Имя, фамилию, возраст. Ну, всю биографию. Он помнит даже, как умер. И у него остались друзья. И девушка. Она даже начала выходить из виртуальности, чтобы видеться с ним. Он вроде как просит ее забыть и найти другого, но она... Ну, это неинтересно.

Если бы Йоэл был девочкой, наверное, именно это стало бы для него самой захватывающей деталью. Я откровенно улыбаюсь, потому что знаю: под кепкой совершенно незаметно.

– Интересно другое. Почему не помнишь ты.

Я пожимаю плечами. Мы говорили об этом, наверное, десятки, если не сотни раз.

Первое, что я помню в принципе, – это удар. Пинок, с которым МакДоналдсовская система безопасности выбрасывает меня прочь. Полет, совсем неощутимое почему-то падение на мостовую. Головокружение. Несколько минут я сижу на земле; после этого, будто робот, снова подхожу к дверям. Воздух сгущается внезапно, и я опять отлетаю прочь. Я все еще не понимаю. Я еще с полчаса ничего не понимаю, а потом...

Потом через меня пролетает птица. Очередная чертова чайка. А я не ощущаю при этом ничего.

Вот так. Вот и весь мой багаж воспоминаний. Как у трехлетнего ребенка. И ни один справочник Йоэла ни капельки не помогает.

– Может, у меня была амнезия? – предполагаю я. – Несчастный случай, травма головы. Я лежал в коме, а тело не спасли?

Мой маленький друг с сомнением качает головой.

Тут много неувязок, я знаю и сам. Мы уже обсуждали это с Йоэлом. Мы обсуждали с ним почти все возможности. И я уверен: если он до сих пор не нашел ответа, его не нашел бы никто.

– Я подумаю, – говорит мой друг. – На выходных схожу в библиотеку.

Иногда мне кажется, что Йоэл читает книги исключительно для того, чтобы рассказать о них мне. Этот мальчик – просто ходячая энциклопедия, которую я радостно впитываю в себя. И я могу быть уверен, что в среду Йоэл расскажет мне что-то интересное. Мой маленький друг никогда еще меня не подводил.

Потом я возвращаюсь на Гамластан. Там, на набережной, есть один лоток с хот-догами – не единственный, но особенный. За ним работает Аннели.

Аннели – негритянка лет тридцати пяти-сорока на вид. Ее родители были иммигрантами, но дочери дали уже шведское имя. Аннели всю жизнь прожила в Стокгольме и предпочла его пустые улицы всей виртуальности сразу.

На самом деле, ее здесь нет. Моя подруга – голограмма, почти как я. Одна из немногих голограмм, за которыми стоят живые люди, а не программы. Мало кто соглашается на такую работу, но Аннели, как я уже сказал, очень любит Стокгольм.

У моей подруги больше нет тела. Совсем недавно оно еще было, но после того, как в Аннели врезался грузовик, от моей подруги осталось не так уж много. Верхняя половина, если говорить точно. Голова Аннели тогда почти не пострадала, а вот ноги даже не смогли выковырять из смятого в лепешку велосипеда. Поддерживать жизнедеятельность этого обрывка выходило дорого, ремонтировать – еще дороже...

Поэтому теперь Аннели живет в чайнике. Ну, это она так шутит. Просто пластиковый контейнер, в котором хранится ее мозг, действительно цилиндрической формы, и в нем что-то плещется. Только проводов наружу торчит в несколько раз больше.

Аннели живет в чайнике, а на работу ходит ее проекция. Голограммой, подключенной к системе, быть намного лучше, чем призраком. Моя подруга может касаться некоторых предметов вроде своего лотка или продуктов – не по-настоящему, а просто отдавая сигналы автоматике, конечно, – и немного изменять внешность. Сегодня на Аннели ярко-красные сережки, а пружинки волос стянуты в тугий хвост на затылке. Она прекрасно выглядит.

– Добрый вечер, – говорит Аннели. – Желаешь хот-дог по-французски, по-американски, по-стокгольмски, братвурст, чоризо?

Я не знаю, прописано ли у моей подруги в контракте: приветствуй этой дурацкой фразой каждого – в любом случае, никто не уволит Аннели, если она ее не произнесет. Моя подруга прекрасно все понимает, поэтому вряд ли она обращается ко мне как к человеку от усердия. Просто ей кажется, что так будет правильно.

– Не сегодня, Аннели, – говорю я. – Не сегодня.

Она улыбается.

– Сегодня день Йоэла, не так ли?

Я люблю свою подругу за то, что она всегда помнит такие вещи.

– Да, – отвечаю я. – И Леннарта я тоже видел.

– Хороший день, хоть и прохладно.

Я смотрю на покачивающийся от порывистого ветра зонт над лотком Аннели. Поднимаю глаза на затянутое тучами небо.

– Прохладно, да.

Мы часто играем в такие игры с Аннели. Представляем, будто у нас есть тела, и мы можем чувствовать.

– Знаешь, – говорит моя подруга, – а я тоже кое с кем познакомилась.

Она кивает куда-то вниз, и я послушно обхожу лоток. Аннели и правда не одна. У нее в ногах, нахохлившись, сидит трехцветная кошка и жует сосиску.

Кошка. В современном Стокгольме.

Наверное, я уже много лет не видел ни одной кошки или собаки. После смерти – точно.

– Откуда она взялась? – спрашиваю я подругу.

– Понятия не имею, – пожимает плечами Аннели. – Но с ней веселее.

Кошка отрывается от трапезы и поднимает голову. Я встречаюсь с взглядом внимательных зеленых глаз и вдруг понимаю еще одну странность: животные и птицы ведь не обращают внимания на голограммы. Многие вообще считают, что их глаза не способны нас увидеть.

Но кошка смотрит на меня не как на пустое место. Ее взгляд пытливый и изучающий.

– Я называю ее Вильма, – говорит Аннели. – Она вроде бы не против.

Я собираюсь резонно заметить, что «Вильма» – это человеческое имя, но вдруг замолкаю. Кошка все еще не отводит глаз. И мне отчего-то становится неудобно.

Когда Аннели растворяется в воздухе, уходя в виртуальность, Вильма увязывается за мной.

Я замечаю ее не сразу. Сегодня мне отчего-то тревожно и совсем не хочется стоять на набережной всю ночь, как я делаю нередко. Поэтому я еще раз огибаю Гамластан и по западному мосту перехожу на Нурмальм. Довольно долго иду на север и понимаю, что уже с месяц не гулял у старой обсерватории. Не спеша поднимаюсь на холм.

Сейчас что-то около десяти вечера, и солнце все-таки соизволило сползти по горизонту пониже. Я смотрю на черные, серые и красные крыши домов. На деревья. Интересно, было ли здесь так же спокойно, когда по улицам еще ездили автомобили? Кто знает.

Тихое, но настойчивое мяуканье заставляет меня опустить глаза. Вильма. Сидит рядом и как ни в чем не бывало умывается. Будто она всегда была здесь.

– Откуда ты взялась? – спрашиваю я, не особенно надеясь на ответ.

Кошка, естественно, молчит.

– Я – не Аннели, – зачем-то объясняю я. – Я не смогу покормить тебя. Прости.

Вильма презрительно фыркает. В ее глазах столько насмешки, сколько вообще может выразить кошачья морда.

И я начинаю понимать.

– Ты мод, да? – спрашиваю я.

Вильма все еще не устаивает меня даже движением головы. А вот я плююсь на нее, будто на какое-то странное, невиданное существо. Потому что если я прав, то...

Ретроградный Иисусе, каким образом кому-то удалось запихнуть человеческий разум в кошку? Как они сумели уменьшить мозг, чтобы он влез в череп таких размеров; а самое главное – зачем?! Моды – не настолько редко встречающееся теперь явление. Я слышал о разумных медведях, тиграх или гориллах. Но кто по доброй воле согласится стать таким маленьким и слабым существом?

Вслух я, конечно, не спрашиваю. Вместо этого я опускаюсь на колени и протягиваю руку к Вильме. Если правильно рассчитать движение, пальцы пройдут только сквозь ее шерсть, не дальше; почти так же, как если бы я и правда мог погладить кошку. Несколько раз провожу ладонью по воздуху и замечаю, что Вильма прикрывает глаза.

Все правильно.

Не вставая, оглядываюсь по сторонам. В любой другой день я бы развернулся и побрел обратно на Риддархольмен, чтобы остаться там до утра. Заночевать прямо возле старой церкви, лежа на булыжниках и глядя в сероватое небо. Как я уже говорил, я не могу спать. Но из отдыха на крохотной площади в самом центре острова получается не худший заменитель. Почему-то именно в этом месте мне всегда становится очень спокойно.

Сегодня я никуда не иду. Я схожу с тропинки и ложусь на землю. Раскидываю руки в разные стороны. Проектор на обсерватории направлен чуть в сторону, поэтому моя правая половина выглядит куда четче, чем левая. Травинки проходят сквозь меня, торчат из моего живота и груди, высовываются изо рта. Вильма подходит и ложится рядом.

Я разворачиваюсь к ней лицом.

– Я ведь не настоящий, да? – вдруг спрашиваю я. – Йоэл... Ты не знаешь Йоэла, но он прочел, наверное, все книги на свете. Перерыл все исследования призраков. Даже почти познакомился с еще одним. Но никто никогда не слышал о таком, как я.

Вильма молчит.

– Мне же никто ничего не объяснял. Никто никогда не говорил мне: теперь ты привидение, сынок. Я же сам так решил. А может... я вообще не умирал? Может, я был таким всегда? Просто появился. Такой вот... более сложный глюк в системе. Если можно сделать разумной кошку, то почему нельзя – программу?

Моей щеки касаются косые лучи солнца. И отчего-то именно в этот момент мне безумно хочется ощутить их тепло.

– Что ты думаешь? – настойчиво спрашиваю я Вильму, в глубине души надеясь, что вместе с мозгом ей сумели модифицировать и речевой аппарат.

Кошка сворачивается в клубочек и начинает громко мурлыкать.

Я смотрю, как медленно ползут по небу облака.

* * *

В среду Йоэл решает меня сфотографировать.

– Неправильный подход, – говорит он. – Нельзя такие задачки, как с тобой, решать в теории. Я искал в статьях похожие случаи – похожих случаев нет. Но это не значит, что мы не сможем найти отгадку. Надо просто понять, чем именно ты отличаешься.

– И как мы это поймем? – интересуюсь я.

– Узнаем, кто ты.

Я не опускаюсь до ехидного: «Угу. А вот это, конечно, задачка элементарная». Мой маленький друг никогда не болтает просто так. Если уж Йоэл начал говорить, это значит, что у него есть план.

План моего друга выглядит как обычная цифровая камера с чувствительным объективом, которую он притащил с собой. И полчаса спустя я достаиваюсь своей первой посмертной фотосессии.

– Чертова кепка, – бурчит мальчишка, подыскивая подходящий ракурс. – Если б ее можно было снять...

Мы находим удобное место прямо напротив проектора, позволяющего мне выглядеть почетче, – не с первой попытки, ведь нужно еще учитывать направление солнца. Йоэл долго

сражается с режимами съемки. Но даже когда все продумано и настроено, остается еще одно досадное неудобство.

Моя идиотская красная кепка.

Я задираю подбородок повыше, впервые полностью открывая другу лицо. Замираю.

– Забей, – смеется Йоэл. – Камера сама уберет помехи. И можешь улыбнуться, если что.

Я не особенно умею улыбаться. Но ради друга все-таки пытаюсь. На снимке эта гримаса выглядит довольно угрожающей.

Склонившись над плечом Йоэла, я с удивлением вглядываюсь в экранчик фотокамеры.

Хочу, чтоб вы понимали: в отличие от призраков прошлого, я все-таки отражаюсь в воде и зеркалах. Так что я примерно знаю, как выгляжу, – только примерно, потому что предпочитаю не смотреть. Но с фотографий Йоэла на меня глядит незнакомец.

– А ты старше, чем я думал, – удивляется мой друг. – Почему-то считал, что тебе лет двадцать.

– Может, я просто плохо выглядел? Ну, я же все-таки отчего-то умер.

– Может... – с сомнением бормочет Йоэл.

У меня худое, скорее тридцатилетнее уже лицо с торчащими скулами и впалыми щеками. Бесцветные то ли от искажений, то ли просто от природы глаза. Не слишком мужественный подбородок. Ничем особо не примечательный нос. Вечная – в самом прямом смысле этого слова – легкая небритость. Оттенок нескольких выбившихся из-под кепки прядей совершенно не поддается определению.

– Ты уверен, что меня вообще можно найти?

– Скажи спасибо, что родился не в Токио, – фыркает Йоэл.

– Спасибо, – задумчиво говорю я.

На самом деле, я уже совершенно уверен, что моему маленькому другу ничего не удастся обнаружить. Но я просто не могу произнести это вслух.

С Аннели, конечно, о таких вещах болтать легче. Любое существо становится тебе ближе, если вы одинаково преломляете свет.

– Ненастоящий? – смеется она. – Это с чего бы?

– Потому что это все объясняет, – спокойно продолжаю я. – Йоэл сам мне говорил...

Самое простое решение всегда самое верное.

– Ты с ним-то об этом разговаривал?

– Нет, – качаю головой я. – Только с Вильмой. И она, кстати, не возражает.

– Вильма? – хохочет Аннели еще громче. – Ты что, совсем уже с катушек слетел? Она же кошка!

Я встречаюсь взглядом с моей новой четвероногой подругой. С прошлой пятницы она так и проводит каждую ночь со мной. Днем часовым сидит у лотка Аннели, а после окончания смены находит меня. Не знаю, как. От меня не пахнет ничем, а я нарочно теперь пытаюсь находить новые, непривычные для себя места, чтобы дожидаться утра. Но Вильма все равно приходит и ложится под бок. Ее мурлыканье – лучшая колыбельная. Даже жаль, что оно совсем не помогает мне.

Я ночую на здоровенной транспортной развязке у Сёдермальмской площади – прямо посреди проезжей части. Ночую на идеально подстриженном газоне у ратуши. На пустом лодочном причале. На футбольном поле в Тантолундене. И рассказываю кошке истории, доставшиеся мне от Йоэла, Леннарта и Аннели.

Своих у меня почти что и нет, но Вильме, кажется, на это плевать. Я болтаю и болтаю ночь напролет, а она слушает. Не споря. Не осуждая. Лучшая в мире собеседница.

Леннарт, впрочем, не слишком от нее отстает. Слушать – это его работа.

У той девочки не вышло, спокойным, мало что выражающим голосом рассказывает он мне в четверг. Нервы не выдержали. Она не одна такая, поясняет Леннарт. Многие оказыва-

ются неспособны выносить тишину. Крики чаек – не замена человеческой речи, говорит мой друг, заметив, что я уже открываю рот, чтобы возразить. А воскресных собраний (даже Леннарт не пытается называть их службами) недостаточно, чтобы утолить жажду общения. Да, мой друг готов выслушать каждого. Он примет любого, в любое время. Если нужно, то даже ночью. Но девочка не хочет жить такой неполной, ограниченной жизнью. Ей требуется что-то настоящее.

Настоящее... Мне есть, что сказать на этот счет. Но Леннарт будто читает мои мысли. Не сравнивай себя с ней, говорит он. Они все гораздо более искалечены, чем ты.

Он говорит «они», а не «мы». Я привычно отмечаю этот забавный факт.

Когда в пятницу я прихожу на площадь Карла в обычное время, Йоэл уже ждет меня. Ждет с таким гордым видом, что кажется, он вот-вот лопнет.

– Я просмотрел все отчеты о смертях, начиная от четырех лет назад и до момента нашего знакомства. На всякий случай. Себе я верю, а вот твоей прозрачной башке – не очень, – рассказывает мой маленький друг. – Все, понимаешь? Включая женщин, детей и стариков. Если из-за этого я провалил сегодняшнюю контрольную по истории виртуальности – ты будешь мне должен.

Йоэл замолкает, любясь моим напряженным лицом. Он не торопится делиться тем, что обнаружил. И я немедленно понимаю, что именно мой друг для меня припас.

Я думаю: он ничего не нашел. Думаю: меня не было ни в одном из его дурацких списков. Потом произношу это вслух и наблюдаю за бровями Йоэла, на секунду встретившимися с его челкой.

– Как ты догадался?

Призраки никогда не устают. У них просто нет веса, который давил бы на ноги, – да что там – у них и ног-то на самом деле нет. Но я вдруг чувствую, что не могу больше стоять.

Опускаюсь на землю и роняю подбородок на грудь. Моего лица теперь совсем не видно за козырьком, но мне кажется, что я дрожу. Интересно, как это смотрится со стороны? Помехами? Волнами, как на море?

– Все верно, Карлсон. Я тебя не нашел. А я же мастер в этом. Если я тебя не нашел, значит, ты не умирал.

«Не умирал». На самом деле, он не договаривает. Не умирал – значит, и не родился. Не жил. Не существовал. Никакой я не призрак, не отпечаток бывшего человека. Я... Как это назвать? Искусственный интеллект? Способность мыслить, зародившаяся у чего-то, никогда и не притворявшегося живым?

Наверное, я должен радоваться собственной уникальности. Но на душе становится горько и тяжело.

На душе? Нет. Что за глупости? Мои уши – микрофоны, глаза – камеры, облепившие каждый дом, каждое чертово дерево и скамейку в Стокгольме, будто паразиты. У меня нет чувств. А значит, нет и души.

– Эй, – говорит Йоэл. – Ты что, заснул там?

Пару дней назад я бы рассмеялся. Но теперь как-то не до смеха. Слегка приподнимаю голову.

– Я еще не все рассказал.

– Да ладно, – горько отвечаю я. – Что там рассказывать? И так все понятно. Я не умирал. Я не был живым. Я – не призрак. Я...

– Елки-палки, – прерывает меня мой друг. – Ты что там уже успел себе накрутить, привидение из детской книжки? Я сказал только то, что сказал. Ты не умирал. Ты до сих пор жив.

У меня нет сердца. Но мне кажется, что-то подпрыгивает в том месте, где оно должно быть.

– Йоэл?

– Я готовился к этой идиотской контрольной. Начал читать учебник с самого начала – появление виртуальности, первые версии, отладка, все такое. И вспомнил про одну интересную штуку, – мой маленький друг делает очередную многозначительную паузу. – Короче, лет двадцать-двадцать пять назад виртуальность жутко глючило. Баг на баге. У кого-то руки через предметы проходили, как у тебя; кто-то не мог смотреть по сторонам, в некоторых местах тупо выбрасывало. Ну и вот. Когда кто-то вылетал – часто оставались артефакты, а иногда и вообще весь образ мог сохраниться. Стояли такие неподвижные чуваки, которыми никто не управлял. И вот у меня появилась одна дурацкая мысль...

Я слушаю его молча и даже не шевелясь. Будто тоже превратившись в какой-то артефакт. В тень.

– А вдруг с тобой случился глюк наоборот? Если в системе может зависнуть изображение, то почему не может – кусочек сознания? Тех-то потом вычистили всех, но ты же другой. Взяли и пропустили.

Ко мне, наконец, возвращается дар речи.

– Двадцать лет назад, Йоэл... Это очень крутая идея, но – нет, не сходится.

– Да что ж ты такой придурок сегодня? – злится мой друг. – В системе, я говорю. Ты завис в системе. А когда уже тебя там выбросило в реальный мир – это дело десятое. Блин, да ты говоришь иногда, как мой дед. Элементарным вещам удивляешься. Я давно заметил.

Молчу.

– Сколько там мы уже знакомы?

– Пару лет.

– И скажи, я часто говорю какую-то фигню просто так? Стал бы я рассказывать тебе дурацкую теорию? Я уже проверил, Карлсон. Я тебя нашел.

Мир замирает. Мир становится тихим, как у той девочки Леннарта. Мир становится зыбким и страшным. Я чувствую все это, потому что я настоящий. Потому что где-то есть человек, у которого двадцать лет назад было такое же лицо. Потому что этот человек не умирал.

Да, но... Кто тогда, получается, я?

– Густав Лейф Линдхольм, – произносит Йоэл. – Так тебя зовут.

Густав... это имя точно было в списке, но ничего не екнуло. Не екает и сейчас. У меня ведь, на самом деле, нет никакой амнезии. Я просто неполная копия. Сокращенная версия.

Нет, никакой я не Густав. Карлсон – единственное, на что я вообще могу рассчитывать. И самое смешное, это имя нравится мне даже больше.

– И... что теперь? – зачем-то спрашиваю я. – Что мне делать теперь?

Я не знаю, что там видит Йоэл из-за моей кепки, но, наверное, глаза у меня стали совсем щенячьи. Просто мне вдруг кажется: если кто в целом мире и может дать совет – то это мой маленький друг. В конце концов, у него всегда водилась целая куча логично обоснованных идей.

Только вот Йоэлу все еще не больше четырнадцати. Он бывает в реальности часов десять в месяц. И совершенно не представляет, как решаются такие вот... ненаучные проблемы.

– Не знаю, чувак, – качает головой он. – В принципе, у тебя вариантов немного. Или забей и забудь, или...

– Что или? – быстро спрашиваю я. Не то чтобы мне не нравился вариант с «забуди». Просто... какой-то части меня не хочется, чтобы все было зря.

– Встреться с ним, – неуверенно говорит Йоэл. – Поговори. Я без понятия, что это тебе даст, но может, у него есть какие-то ответы.

Ответы... Не уверен даже, что знаю вопросы, – но на короткую секунду эта идея кажется мне невероятно привлекательной, а моему маленькому другу хватает ее же, чтобы загореться. И дальше все происходит уже как-то само собой, без моего вмешательства.

Йоэл к Густаву Линдхольму идти не хочет. Он еще в своем уме и примерно представляет, как далеко пошлют надоедливую пацана даже в виртуальности. При этом мой маленький друг уже разработал целый план и подготовил десяток аргументов, почему это непременно должен сделать Леннарт.

Я говорю, что Йоэл сошел с ума. Объясняю суть ретроградного христианства и по памяти передаю их основные заповеди. Добавляю, что у Леннарта наверняка есть еще и ворох собственных причин держаться подальше от виртуальной реальности. Но упрямства моему маленькому другу отсыпали едва ли не столько же, сколько ума. Тут десять минут ходьбы до церкви, говорит он. Идиотизмом было бы не спросить.

Говорят, большинство детей, родившихся в этом и прошлом году, рискуют вообще не научиться ходить. Родители вытаскивают их в виртуальность еще младенцами, где детишки резвятся в виде щенков или жеребят, пока их реальные ножки атрофируются из-за отсутствия нагрузки. Но Йоэл – представитель переходного поколения. Ходить – да и бегать, и ездить на велосипеде – он умеет прекрасно. Сегодня один из тех дней, когда это нисколько меня не радует.

А еще меня жутко бесит тот факт, что Йоэл отправляется разговаривать с Леннартом один. Конечно, я не смог бы зайти в церковь. Но элементарнейшие правила приличия требуют того, чтобы мой маленький друг позвал священника наружу. Йоэл не делает этого. Забавно, как стеснялся этот парень познакомиться с герром Линдхольмом – но как легко при этом решается поболтать с Леннартом. Не потому, что священник – тоже мой друг, нет. Просто в реальности для Йоэла все немного не по-настоящему.

– Во вторник, – говорит мой маленький друг, когда выходит из церкви. – Он сходит в виртуальность во вторник. Раньше не сможет, у него «остались неоконченные дела».

Это звучит как цитата, и я приподнимаю бровь. Но Йоэл все равно не замечает.

– Приходи в среду утром, как обычно. Узнаешь, что он смог выяснить.

– Как ты сумел его уговорить? – у меня нет горла, но вопрос выходит почти по-настоящему хриплым. – И... почему он не вышел?

– Мне не пришлось уговаривать, – пожимает плечами Йоэл. – Он как будто хотел и сам. Больше мне не удастся вытянуть из него ничего.

Время до среды растягивается в бесконечную череду вязких и липких минут. У меня больше не получается отдыхать по ночам – я то и дело вскакиваю и начинаю ходить из стороны в сторону, а пару раз и вовсе бросаю Вильму и иду куда глаза глядят. Она не пытается догнать меня. Понимает, что мне нужна не компания, а нечто другое. Если бы я сам знал, что...

Леннарт сказал прийти в среду – но я, конечно, прихожу каждый день. Рву привычные маршруты, срезаю углы, не брожу кругами по Старому городу, а с самого утра с Риддархольмена (или где меня в этот раз застал восход) спешу на Юргорден. Я болтаюсь там по много часов, одновременно боясь отойти слишком далеко от церкви и чересчур приблизиться к ней. Вдруг Леннарт специально избегает меня?

Но любимая скамейка моего друга каждый раз пустует. А чайки носятся над заливом с возмущенными криками. Этот кусочек парка давно уже включен и в их маршрут. Вряд ли птицы способны испытывать благодарность или даже тоску. Но я уверен, что и через много лет прапраправнуки нынешних чаек отчего-то будут делать лишний круг над одной-единственной скамейкой на Юргордене. Интересно, найдется ли тогда хоть кто-нибудь, кто обратит внимание на эту странность?

Когда, наконец, наступает среда, я дожидаюсь Леннарта, стоя у самой воды. Проводить всю ночь прямо здесь – ужасно глупо, но я ничего не могу с этим поделать. Я стою у воды и не слышу, как уходит на свой пост у ног Аннели кошка, зато отчетливо различаю приближающиеся шаги.

Еще нет и восьми. Мой друг знал, что я непременно буду ждать его, и поэтому решил прийти пораньше. Я оборачиваюсь, и слова застревают у меня где-то в районе горла.

– Леннарт, – шепчу я.

– Он встретится с тобой сегодня в три. На набережной Шеппсбрун, – произносит священник и как ни в чем не бывало садится на скамейку.

Сегодня у него нет с собой булочек. Их просто нечем было бы взять.

– Леннарт, – все так же глухо повторяю я.

Он улыбается. Это странно, но мне кажется, что у моего друга разгладилось несколько морщин. Будто он раз и навсегда сбросил тяжелый груз с плеч и теперь свободен.

– Хороший способ похудеть килограмм на пять, – говорит Леннарт. – Правда, я вряд ли кому-то его посоветую.

Мне хочется заплакать. Мне хочется обнять его. Мне хочется произнести хоть что-то осмысленное – уж на это-то я точно способен. Но у меня не выходит. У меня не выходит даже толком сказать спасибо.

Я стою неподвижно, будто превратившись в то, чем и должен быть. Зависшую голограмму. И молчу.

– Какого черта, отец? – слышу я откуда-то справа и с трудом отвожу взгляд от своего друга. – Стоит мне отвернуться, как тебя уже куда-то понесло. Ты что, решил вывести меня уже в первый день?

Парень, который приближается к нам по дорожке, пофыркивая, будто возмущенный ежик, – высок, широкоплеч и красив.

Вьющиеся светлые волосы, характерный упрямый подбородок... В его лице есть что-то неуловимо знакомое. И я вдруг понимаю, что именно молодой человек вкладывает в слово «отец».

В его руках – куртка. Все еще не обращая на меня ни малейшего внимания, парень набрасывает ее Леннарту на плечи. Заботливо застегивает молнию доверху.

Сын. До сегодняшнего утра я даже не представлял, что у моего друга может быть сын. Вряд ли Леннарт прятал его от меня. Скорее, парень просто был далеко. Далеко-далеко в виртуальности.

– Луве, – говорит мой друг. – Это мой Луве, и я очень его люблю¹.

– Карлсон, – представляюсь я.

Леннарт почему-то улыбается еще шире.

Густав Линдхольм ждет меня в три, а это значит, что я пропускаю встречу с Йозлом. Наверное, это даже неплохо – я все равно вряд ли способен сейчас на осмысленную беседу. Но к моей чести, про своего маленького друга я хотя бы вспоминаю.

Я прихожу на площадь Карла в половину третьего – в глупой надежде, что Йозл пришел пораньше, и я успею его предупредить. Но наверное, мой друг еще в школе. Я разворачиваюсь и зигзагами пересекаю ровные кварталы Остермальма. Я не опаздываю. Но у меня не получается не спешить.

Без пяти три я выхожу на Гамластан. Каких-нибудь двадцать лет назад нам с герром Линдхольмом пришлось бы договариваться поконкретнее. «Встретимся у памятника». «На автобусной остановке». «У четвертого фонаря справа». Сейчас в этом нет необходимости. Шеппсбрун все такой же большой. Просто теперь он еще и безлюдный.

Он уже пришел, да. Я замечаю его еще на мосту и почти незаметно усмехаюсь. В ожидании меня Густав Линдхольм не подходит ни к памятнику своему почти тезке², ни к дворцу и ни к пристани. Он стоит перед лотком с хот-догами. Тем самым, особенным – с улыбающейся

---

¹ Шведское имя Луве пишется так же, как английское love – «любовь».

² На Шеппсбруне установлен памятник королю Густафу III.

чернокожей женщиной и трехцветной кошкой, жмущейся к ее ногам. Вряд ли настоящий я отдает себе отчет в том, что делает. Просто в сером и пустом Стокгольме его подсознательно тянет к чему-то... живому.

Я не ускоряю, а, наоборот, замедляю шаг. Жадно рассматриваю незнакомое лицо, пытаюсь обнаружить... сходство? Различия?

Герру Линдхольму уже явно за пятьдесят. Он плохо выбрит и почти полностью сед. У него несколько десятков лишних килограмм и непропорционально худые ноги, как у всех, кто годами не выходил из виртуальности. Совсем разучиться ходить или стоять нельзя. Но Густава Линдхольма немного покачивает с непривычки. Ему трудно и очень неуютно.

Порывистый восточный ветер наверняка пряно пахнет морем. Но герр Линдхольм замечает только сырость и поплотнее кутается в плащ.

Он похож на меня. Похож, как отец может быть похож на сына, как фотография пятидесятилетнего человека может быть похожа на фотографию его же в тридцать. Он похож на меня в достаточной степени, чтобы я поверил.

Наверное, приближаясь к Густаву Линдхольму, мне следует задрать подбородок повыше. Дать и ему взглянуть в собственное лицо двадцатилетней давности. Но я отчего-то опускаю голову.

– Добрый день, – говорю я и киваю Аннели.

– Добрый... день, – неловко отвечает настоящий я. Ему явно непривычно слышать голос собеседника откуда-то сбоку, не в такт движениям открывающегося рта. А еще... герра Линдхольма тоже, кажется, не учили разговаривать с призраками. – Ваш друг...

– Наверное, нам можно обращаться друг к другу на «ты», – мягко прерываю его я.

– Да, – растеряв остатки уверенности, говорит Густав. – Наверное...

Он явно не понимает, какого черта здесь забыл. Зачем поддался на уговоры «этого моего друга». Герр Линдхольм – всего лишь немолодой, усталый, совершенно обычный человек, которого зачем-то выдернули из привычного пруда и оставили барахтаться на земле.

Одного.

На всей набережной, которую Густав Линдхольм наверняка еще помнит веселой и многолюдной, кроме него, одни голограммы. И вышло так, что, именно они здесь дома.

Настоящий я ежится. Ненастоящий – запрокидывает голову, в очередной раз за последнюю неделю открывая свое лицо другим.

Густав замирает. Забывает, что ему холодно; забывает, как устали ноги. Все его внимание концентрируется на мне; и герр Линдхольм даже не замечает, как неприлично открывается при этом его рот.

Я молчу. Мы оба молчим довольно долго.

– Да, – глухо произносит он, наконец. – Да, это правда. Сначала я не поверил, но это правда. Ты – это я.

И снова пауза. Тишина. Я не знаю, что ответить. Я вообще не знаю, о чем с ним говорить.

Нас привели сюда разные вещи. Густава Линдхольма – любопытство. Твоя живая фотография разгуливает по Стокгольму – надо же такому случиться. Меня... наверное, просто желание узнать больше. Понять себя.

Но герр Линдхольм вовсе планировал рассказывать истории из нашего общего детства. Мы не будем обсуждать школу, колледж (или где там он-я учился?), первую любовь и первое погружение в виртуальность. Нам, в общем-то... совсем нечего друг другу сказать.

– Как так вышло? – бормочет Густав. – Какой странный феномен. Нужно обязательно куда-то об этом сообщить. Научный мир просто сойдет с ума.

Ну, или так. Или обсудить со мной будущую сенсацию. Это безопасная тема. Нейтральная. Будто взятая из учебников светских бесед.

Мой живот сжимается, и я начинаю ощущать нечто вроде тошноты.

Это тоже ненастоящее, заимствованное чувство. Такое же, как и все. У меня нет ничего своего – только отпечатки, бледные тени эмоций Густава Лейфа Линдхольма. Но если того Густава нет уже двадцать лет – вправе ли стоящий передо мной человек требовать его долги?

И так ли уж я обязан их отдавать?

– Не надо, – тихо говорю я. – Не надо никому говорить. Пожалуйста.

Он смотрит на меня с удивлением. Кажется, даже несмотря на приветствие и пару брошенных мной фраз, герр Линдхольм до сих пор не считал меня в полной мере разумным.

– Я не хочу, чтобы меня изучали, – продолжаю я. – Поэтому... давай все это останется между нами.

Густав молчит еще, по меньшей мере, минуту.

– Не хочешь... Чего же тогда тебе нужно?

Наверное, это очень забавно смотрится со стороны. Пятидесятилетний ты, пытающийся понять, что творилось... творится в голове у тебя тридцатилетнего. Полагаю, каждому хоть раз хотелось поучаствовать в подобном разговоре. Правда, особой благодарности на лице у Густава не видно. А я раздумываю над тем, как мог бы ответить на его вопрос каких-нибудь полчаса назад.

И понимаю: очень здорово, что он спросил именно сейчас.

– Жить. Просто жить дальше. Здесь, – отвечаю я. «Жить» – глупое, совершенно неподходящее слово, но я отчего-то не задумываюсь об его уместности.

Наверное, прямо сейчас я честнее, чем был когда-либо. Когда я все еще был Густавом Линдхольмом и когда перестал.

Он кивает и отчего-то опускает глаза.

– Ладно, – говорит Густав. – Как скажешь. Я буду молчать. Был рад... знакомству.

Его правая рука дергается, и я узнаю привычный жест. Герр Линдхольм чуть было не пожал мне руку.

– Мне надо идти, – сбивчиво объясняется он. – Я работаю. Отпросился буквально на полчаса. Надо возвращаться в офис.

Я его не слушаю. В общем, я даже не смотрю на него больше. Здесь есть Аннели, Вильма, залив и чайки. Куча интересных вещей, на которые можно смотреть.

Краем глаза я улавливаю, как Густав Линдхольм разворачивается, чтобы уйти. Не дождавшись моего ответа. Толком не попрощавшись.

Я окликаю его, и Густав резко оборачивается.

– Можно я... попрошу тебя об одной вещи? Совсем мелочь.

Он смотрит на меня настороженно. Наверное, герр Линдхольм опасается, что я захочу увидеться с ним опять. И что ему будет сложно сходу придумать подходящий предлог для отказа и придется изворачиваться и нести какую-то неопределенную чушь вроде: «Да, конечно. Как только у меня выдастся свободная минутка. Обязательно».

– Погладь кошку, – говорю я.

– Что? – замирает Густав.

– Она сидит за лотком, и ее давно не гладили.

Густав Линдхольм приближается медленно, будто туча с севера. Проходит мимо меня. Заглядывает за лоток с хот-догами. Аннели отходит в сторону.

– Кошка, – удивляется Густав точно так же, как всего дней десять назад – я. – Ну надо же.

Он опускает руку, и Вильма слегка приподнимается на задних лапах ему навстречу. Трется о широкую ладонь Густава. И начинает мурлыкать.

Тожество Колесова Антон Воробьёв

Стая шиячи скользила по изгибам пространства. Их огромные тела то погружались в глубины двенадцати измерений, то выныривали на поверхность трёхмерного континуума. Хвосты совершали плавные движения, отталкиваясь от волн темной энергии, широкие плавники взрезали вакуум межзвёздного океана. На гладких боках светились тонкие линии узоров.

Стая была большой: несколько сотен шиячи растянулись узким клином на три астрономических единицы. Рядом со взрослыми особями, достигавшими десяти километров в длину, держался молодняк. Время от времени по структуре пространства пробегали незримые импульсы – шиячи общались между собой, обсуждая долгий переход, вкус местного вакуума, подрастающих детишек и, конечно, шокухини. Большинство испытывало легкий голод и ненавязчиво намекало Первому, что пора бы подкрепиться.

Вожак, в темных глазах которого отражался космос с алмазной россыпью звёзд, намеки услышал. Слева по курсу, всего в паре световых лет, сиял желтый карлик. Мощное тело Первого изогнулось, широкий хвост ударил по континууму, взвихрив измерения. Короткий импульс «свернем сюда» достиг каждого шиячи в стае. Шокухини обычно водились возле звёзд, над маленькими планетками. Вожак и сам чувствовал пустоту в животе. Он нырнул поглубже в пространство, подавая пример стае, чтобы вынырнуть уже возле звезды.

- МКС на связи, слышимость хорошая.
- Сергей, сегодня у тебя по плану эксперимент с комарами, ремонт седьмой панели и встреча «Прогресса».
- Да, помню.
- Надеюсь, всё успеем. С биологией тебе будет помогать Дмитрий, с панелью – наши инженеры.
- Добрый день, Сергей Александрович, это Дмитрий.
- Добрый день. Можно просто Сергей.
- Договорились. Там у вас должен быть такой пластмассовый контейнер с синей крышкой.
- В котором куча малярийных комаров? Есть такой.
- Э-э... да, будем их так называть для простоты. А сбоку – секция с мышами. Вам надо разделить комаров примерно пополам – там для этого есть такая выдвигаемая перегородка...
- Ага.
- Вот. Слева у нас получится контрольная группа, а справа – та, которую будем обрабатывать спреем.
- Перегородку закрепил.
- Отлично. Теперь нажмите на кнопку на лицевой панели контейнера, должен включиться распылитель.
- Зашипело.
- Подождем минут десять.
- Хорошо.
- Серёга! – другой голос. – Как жизнь? Не скучаешь там один?
- С вами соскучишься...
- Через две недели к тебе пополнение прибудет. Американец и японка. К японке не приставать, она замужем!
- Шутник.

– Валера передает тебе привет. Говорит, байк твой починил.

– А он что, его разбил?!

– Да расслабься, нормально всё. Я сам видел, как новый.

– Надеюсь, – мрачно.

– Сергей, тут астрономы спрашивают, – вмешался диспетчер ЦУПа. – У них какая-то ерунда с изображением Юпитера, хотят отсечь влияние атмосферы. Можешь глянуть в иллюминатор?

– Минуту. Юпитер на месте, визуально никаких отклонений не вижу. Но могу задействовать телескоп на американском сегменте, возможно, он что-нибудь покажет.

– Ясно. Ладно, это не к спеху.

– Дмитрий, на панели контейнера горит красная кнопка «Alarm». Успокойте меня, скажите, что так и должно быть.

– Хм, – голос биолога. – Возможно, засорилось сопло распылителя. Перезагрузите электронику контейнера. Если проблема не исчезнет – надо будет прочистить сопло вручную.

– Окей, – короткий шелчок. – Чёрт... Э-э... ЦУП, я свяжусь через несколько минут.

– Что-то случилось? – диспетчер.

– Мм... небольшая техническая заминка.

– А поподробнее?

– На контейнере отщелкнулась задвижка и несколько комаров вылетели. Перезвоню, когда поймаю.

– Хорошо, ждем.

– Доброй охоты, Маугли!

– Иди на фиг, Балу, – добродушно.

Сергей выключил связь и оттолкнулся от приборной панели. Комары носились по научному отсеку как угорелые, в полной дезориентации. Космонавт подлетел к ближайшему насекомому, попытался его аккуратно схватить, но упустил.

– Что ж вам на месте-то не сиделось? – пробормотал молодой человек. – Надо сачок соорудить. Вот только из чего?

Привычка думать вслух появилась у него месяц назад, сказывалось долгое отсутствие напарников.

Порывшись в ящике с инструментами и запчастями, Сергей извлек на свет старую антенну, согнул её в кольцо и начал приматывать скотчем к получившемуся ободу полиэтиленовый пакет. На укус отреагировал автоматически.

– Чтоб тебя... – произнес он, рассматривая раздавленного в лепешку комара. – До мышей не мог потерпеть?

На свободе оставалось ещё трое беглецов. Один из них уже залетел в соединительный отсек, Сергей решил начать охоту с него: если оставить без присмотра, то блудного комара потом придется искать по всей станции.

Прихватив импровизированный сачок, космонавт пробрался к выходу из научного модуля, но до насекомого не долетел – что-то случилось со зрением. Привычный отсек вдруг вытянулся длинным коридором, в конце которого сияли булавки звёзд.

– Дмитрий, чем вы там своих комаров опрыскиваете, надеюсь не ЛСД? – негромко спросил пустоту Сергей, рассматривая собственные ноги.

Казалось, стопы молодого человека находились где-то далеко, метрах в семи от пояса. Руки тоже выглядели странно. Словно касались стенок отсека в десяти местах одновременно, а татуировка «за вас» – юношеская глупость – изменила цвет и перекочевала на другую кисть.

– Пожалуй, надо передохнуть, – Сергей попытался потереть лоб, но не рассчитал и пронес ладонь сквозь голову. – А лучше – посоветоваться с медиками ЦУПа, – констатировал он.

Но до аппаратуры связи молодой человек добраться не успел: космическая станция, со всеми своими модулями и панелями солнечных батарей, скрутилась в тугий узел и вывернулась наизнанку.

Первый огляделся вокруг. Совсем рядом находилась планета, над которой летало множество шокухины. Завихрения потревоженного континуума, волнами расходящиеся вокруг места, где он вынырнул, постепенно улегались.

В громадной голове шиячи возникла точка тупой боли. Похоже, во время выхода на поверхность трёх измерений произошло совмещение тела исполина с каким-то небольшим объектом. Гиганты старались уклоняться от подобного рода «столкновений» только если речь шла о чем-то массивном, наподобие астероидов километровых размеров. На всякие мелкие камни они не обращали внимания: заметить такие сложно, вреда от них никакого, а через некоторое время организм шиячи сам выведет посторонний предмет из тела.

Немного расстроившись из-за неожиданной головной боли, Первый сосредоточился на шокухины. Остальная стая уже подтягивалась, выныривая тут и там, и включалась в веселую охоту за юркой и подвижной добычей. Вожак не стал ждать особого приглашения и тоже нырнул за ближайшей порцией вкусного блюда.

Сознание медленно возвращалось к Сергею. В основном, в виде кошмарных видений. Ему мерещилось, что он – огромное существо, летающее в облаках над Сибирью. Что вокруг него – такие же громадины, как и он сам. Что они все вместе гоняются за какими-то светящимися шарами и поедают их. А снизу по всей братии работает ПВО России.

Постепенно сознание прояснялось. И кошмар становился отчетливей. «Сородичи» легко скользили в непостижимых по сложности измерениях, исчезая в одном месте и появляясь в другом. Светящиеся объекты вели себя так же, стараясь оторваться от преследования. Снизу, из зеленых холмов, тянулись вверх дымные столбы ракетных запусков. Неподалеку темными мухами вились военные самолеты.

Похоже, взрывы и обстрелы не причиняли исполинским существам никакого вреда. По крайней мере, когда под брюхом Сергея сдетонировала ракета «земля-воздух», он ничего не почувствовал. Космонавт начал приходить к мысли, что у него галлюцинации. Возможно, из-за укуса подопытного комара. Но даже в галлюцинации неприятно, когда в тебя стреляют. Сергей предпочел бы погрузиться в более спокойный бред или – в рамках текущего кошмара – оказаться подальше от того места, где сейчас находился. Поэтому попытался шевельнуть хвостом.

Боль в голове Первого внезапно усилилась. Из тупой и ноющей превратилась в острую и жгучую, молнией пронзившую всё тело. Она была так сильна, что вожак потерял сознание.

Пространство прогнулось, раскрылось в пять измерений, волны незримой энергии подхватили огромное тело и вынесли шиячи на орбиту возле Земли.

– Так-то лучше, – попробовал сказать космонавт.

Однако пасть существа явно не предназначалась для членораздельной речи.

«Что ж, хотя бы обстрел прекратился», – философски отметил про себя Сергей.

«Уже уходим?» – толкнулся импульс в голову исполина – а заодно и в разум человека.

Сергей различил в вопросе привкус удивления. Интуиция подсказывала, что спрашивал кто-то из охотящейся внизу стаи.

Следом посыпались и другие реплики:

«Так скоро?»

«Я ещё голоден!»

«Ещё немного!»

«Можно ещё?»

«Не торопись!»

«Здесь же полно шокухи!»

Сергей даже немного растерялся от такого напора. Существа, такие громадные по размерам, вели себя словно дети, оккупировавшие лоток с мороженым.

«Гм. Ну ладно, ещё чуть-чуть», – постарался передать ответ космонавт.

Судя по радостным импульсам от стаи, «сородичи» его слышали. Шиячи, силуэты которых были видны с орбиты невооруженным глазом, сновали у поверхности Земли, с азартом гоняясь за странными (и, как успел убедиться молодой человек, вкусными) объектами – «шокухи». Последние встречались в основном над гористой местностью и в районах полюсов.

С орбиты родная планета выглядела как обычно, словно космонавт и не покидал борт МКС. Сергей даже потянулся, чтобы ущипнуть себя за руку, в надежде, наконец, проснуться. Но не получилось: на плавниках не было пальцев.

Восприятие существа имело и свои особенности: были видны другие измерения, ощущались потоки энергии, чувствовался запах вакуума, нежно поглаживали тело волны пространства. Сознание человека блокировало большую часть этих необычных ощущений, чтобы не сойти с ума. Но иногда они всё же прорывались на поверхность, и тогда Земля на секунду превращалась в сложный узел из ярких силовых линий.

«Какой длинный и красочный бред», – подумал Сергей.

А потом увидел небольшой объект, который летел по орбите примерно на той же высоте. Это был «Прогресс». Грузовой модуль, который космонавт должен был сегодня встретить. И почему-то в этот момент молодого человека пробрал холодный пот. Фигурально выражаясь.

«Да, да, встань туда», – Сергей нетерпеливо подталкивал носом ближайшего шиячи с тем, чтобы тот вписался в конструкцию, которую возводил космонавт.

Конструкция состояла из «сородичей», помещенных на низкой орбите, и представляла собой фразу из букв русского алфавита.

«Это я, Колесов», – гласила надпись в полнеба.

Другого способа наладить связь Сергей не придумал. «Речь» шиячи ЦУП, очевидно, не мог зарегистрировать.

«Сородичи» не отличались особой дисциплиной, поэтому фразу приходилось постоянно подправлять. Шиячи воспринимали происходящее как игру, но вскоре она начала их утомлять: пока космонавт с грехом пополам удерживал расплывающиеся в стороны буквы прошло часа четыре.

К счастью, ответ всё же последовал. Под стаей появились два самолета, с земли в небо устремился луч лазера, и в пятикилометровой промежутке между летательными аппаратами возникла легко читаемая надпись:

«Что происходит?»

«Так, народ, – обратился к шиячи Сергей, – новая фигура».

«О неее! – донеслось в ответ. – Давай другую игру! Надоело!»

«Строимся, строимся, – пресек возражения космонавт. – Если будете играть хорошо – потом поохотимся на шокухи».

Через полчаса в скоплении шиячи при хорошей фантазии можно было угадать фразу «Я как-то оказался в теле этого существа».

«Что с МКС?» – появилась новая надпись между самолетами.

«Не зн...» – начал выстраивать фразу Сергей.

Но ЦУП не стал дожидаться, пока все шиячи займут свои места.

«Ясно. Сергей, пара вопросов. Мы должны убедиться, что это – ты. Отвечай кратко».

«Ок».

Хотя реплики космонавта всё равно отнимали время, беседа ускорилась. ЦУП в основном интересовала любая информация о существах. Сергей сжато передал все свои соображения на этот счет и в свою очередь спросил, когда ученые планируют приступить к извлечению бортинженера Колесова из огромного тела незванного гостя.

«Мы думаем над этим. Если твоё описание верно, то с хирургическим вмешательством будут проблемы. Кстати, Сергей, раз уж у тебя есть некий авторитет в этой стае – не мог бы ты держать своих „шиячи“ подальше от поверхности Земли? А то у нас тут, мягко говоря, паника».

«Ок. Что испытывали биологи?»

«Это Дмитрий. Тема эксперимента: влияние неравновесных химических соединений на симбиоз различных видов в условиях микрогравитации».

«Меня укусил ваш комар».

«Возможно, поэтому вы ещё живы. Хотя на людях, разумеется, эти вещества испытывать не планировалось. И на „шиячи“ опыты тоже как-то не доводилось ставить... В общем, вы не унывайте, Сергей. Мы что-нибудь обязательно придумаем. Данные, которые вы предоставили, уже изучают несколько сотен научных центров по всему миру. Тут ведется онлайн трансляция наших переговоров. Появление громадных летающих существ – новость номер один».

«Сергея, – в разговор вступил старый приятель, Денис, – ты чего в косатку-то залез? О_о»

«Иди н... – хотя на весь мир ругаться не стоит. – Я отведу стаю подальше».

«Хорошо, мы тебя ждем».

Сергей оглядел своих «сородичей». Те весело болтали, беззаботно плескались в местном континууме и изредка поглядывали на жоака, мол, что дальше?

«Давайте за мной», – устало велел космонавт.

Истекающий день выдался тяжелым, нервное напряжение сменилось апатией, хотелось просто лечь и поспать. Интересно, спят ли шиячи? Нежные прикосновения волн темной энергии убаюкивали, ласкали и манили в свои глубины.

«Не хуже мягкой перины», – подумал Сергей и лениво шевельнул хвостом...

Во сне Сергей увидел один яркий образ: крохотная фигурка человека внутри огромной прозрачной фигуры шиячи.

Гладкий бок газового гиганта отсвечивал жемчужным светом, кольца опоясывали планету широкими лентами. Стая скользила над лохматыми тучами в атмосфере, не обращая внимания на ураганный ветер.

Первый окинул взглядом своих подопечных. Шиячи явно понравилась остановка у этой звезды, они обсуждали шокухины и ещё какую-то непонятную игру. Жоак не знал, что произошло возле маленькой планеты, когда он потерял сознание, и как стая оказалась здесь, над газовым гигантом, но это было не так важно. Голод был утолен, следовало продолжить путь.

Издав короткий импульс «в дорогу», Первый нырнул под покровы измерений и повел стаю прочь от желтого карлика.

Его голова всё ещё болела, но уже не так сильно. Приятная прохлада глубокого космоса постепенно возвращала хорошее настроение. Стая была довольна, путь впереди чист, течение континуума – попутное.

Первый скупо отвечал на любопытные импульсы сородичей. Большая часть его внимания была направлена на то, чтобы держать выбранный курс и следить за возможными опасностями. Вместе с тем, в облаке смутных ощущений, связанных с Целью Путешествия, у жоака возникли нехарактерные для шиячи мысли.

Сергей смотрел на окружающий космос чужими глазами. Зрелище было необычное: он словно находился в толще воды, пронизанной светом звёзд, колышимой дыханием континуума, наполненной запахами бездомных комет и неясными тенями других обитателей глубин. За прошедшие дни Сергей уже научился отличать различные измерения, в которые «ныряли» шиячи. У каждой мерности был свой особый вкус, свой оттенок вакуума, свои краски энергии. Космос уже не выглядел темным, холодным и неприветливым местом, он казался океаном тепла и света.

Иногда стоя ненадолго «выныривала» в привычный трехмерный мир, и тогда можно было заметить, что рисунок созвездий по сравнению с прошлым разом вновь изменился.

Космонавт с тоской размышлял о том, что делать дальше. Он не знал, где находится сам, в какой стороне Земля. Шиячи, в теле которого занозой застрял человек, вел свою стаю к неведомой цели, мимо тысяч чужих звёзд, за сотни световых лет от Солнца. Даже если удастся снова взять под контроль громадное существо – куда направиться, где искать родную планету? Сергей, конечно, как и всякий космонавт, мечтал о путешествиях к другим мирам, но в этих мечтах он всегда возвращался домой. И в этих мечтах ему не было так одиноко...

– И что ж тебе так везет-то? – вспомнилась фраза матери.

Она привычно орудовала иглой, зашивая бравому бортиженеру разбитую в аварии бровь.

– Не говори, – проворчал тогда отец. – Как утопленнику.

«И вот, похоже, мой джек-пот, – подумал Сергей. – Застрял внутри шиячи и потерялся в океане космоса. Баню теперь можно не топить».

Сергей вновь мчался на своем любимом байке. Разумеется, это был сон, но, черт возьми, до чего приятный! Руки в перчатках крепко держали руль, растянутая косуха трепеталась за спиной черными крыльями, в наушниках звучал неподражаемый Джими Хендрикс, а стальной зверь рычал мотором, подпевая ему. И – ветер, ветер в лицо!

Гладкая дорога стелилась под колеса серой лентой. Там, впереди, у обрыва, где был поворот, виднелась полоска Черного моря. Сергей широко улыбался. Упоительное ощущение свободы наполнило его целиком. Вперёд, к горизонту!

И вот уже нет байка и дороги, а он летит над морем. В синей бездне внизу отражаются звёзды, белопенные волны искрятся слюдой. И он сам отражается в морских водах – гигантское тело, хвост, плавники...

Сергей вздрогнул. Неприятный холодок муравьиными лапками пробежал по его спине, защекотал ноги и руки. Вернее – о, ужас! – лапы хвоста и плавников.

– Нет, нет! – вырвалось из огромного зубастого рта существа. – Я – человек! Я – человек!

Космонавт зажмурил большие темные глаза и, задыхаясь от охватившего его страха, принялся твердить про себя последнюю фразу, словно мантру: «я – человек, я – человек, я – человек».

В конце концов кошмар отступил.

Большую часть свободного времени Первый прислушивался к новому для себя ощущению: внутри него словно бы зрело странное зерно. Боль в голове окончательно исчезла, организм шиячи избавился от мусора – кусков искореженного металла, – но чувство, что внутри тела происходит рождение чего-то нового, только усилилось. Казалось, это крошечное зерно сияло собственным светом. И проросшие из него тонкие корешки ветвились золотистыми нитями, постепенно проникая во все уголки громадной головы Первого. Вожак пробовал отгонять от себя это необычное видение, но оно возвращалось снова и снова.

«ЦУП на связи. Доложите обстановку».

«Третья неделя полета проходит нормально».

«Повторные атаки хищников были?»

«Нет, мы миновали область с такохеби. Жуткие существа, доложу я вам. До сих пор мороз по коже».

«Как стая переживает потери?»

«Маришка грустит, замкнулась в себе. Остальные её подбадривают, как могут. Понимают, как это тяжело – потерять троих детей».

«Вы дали шиячи имена?»

«Я ведь должен их как-то различать. Поначалу они не поняли, в чем смысл, но потом им даже понравилось. Теперь хвастаются друг перед другом своими именами».

«Изменилось ли направление движения?»

«Сложно сказать. Стая, без сомнения, держит путь к какой-то цели. А вот по какой траектории... Без звездных карт и хорошего компьютера не разобраться».

«Есть ли приметные объекты среди тех, мимо которых идет стая? Мы могли бы попробовать идентифицировать их по нашим каталогам».

«А как же! Были такие объекты, и довольно много. Вот, к примеру, скопление белых карликов возле молекулярной туманности – похоже на брошь на груди молодой дамы. Или тройная звезда: голубой гигант с желтым и зеленым братьями. А ещё – цефеида, возле которой мы перекусывали».

«Гм. Сергей, вы уверены, что цефеида встретила вас *после* Земли?»

«Хорроший вопрос, уважаемый ЦУП».

Космонавт прервал свой воображаемый диалог с коллегами и задумался. Уже не в первый раз за эти три недели он замечал, что часть его воспоминаний о межзвездном путешествии относится ко времени, когда стая ещё не добралась до Солнечной системы. В сценах, которые представляли перед его мысленным взором, он ощущал себя шиячи, ведущим своих сородичей сквозь темные воды космоса.

«А ещё, уважаемый ЦУП, у меня иногда лапы ломит и хвост отваливается».

Первый прислушался к тонким намекам своих органов чувств и понял, что Цель Путешествия близка. Её зов отчетливо слышался в шорохе текущего вакуума, в шепоте волн энергии, в рокоте и какофонии космического излучения. Этот зов, в начале путешествия едва различимый, теперь звучал сильной и яркой песней.

До Цели оставался один шаг. Долгий переход, наконец, завершился. И хотя в обозримом пространстве впереди не было видно ничего необычного, шиячи явственно ощущали, что Цель – рядом. Надо лишь сделать последний нырок.

Стая выжидающе посматривала то вперед, то на вожака: мол, чего остановились? Но Первый не спешил нырять в глубины измерений. Он размышлял.

«Этот зов – такой привлекательный, так манит к себе своей необычной мелодией... Но, если подумать, зачем мы сюда приплыли? Что там, на расстоянии короткого нырка? Почему оно представляется нам чем-то прекрасным, ведь мы его ни разу не видели?»

Между тем остальные шиячи не отягощали себя подобными вопросами. Один из них, по имени Фёдор, издав веселый импульс «Чур, я первый!», погрузился в глубины континуума и вынырнул в нескольких миллионах километров впереди.

«Ну что там?» – нетерпеливо спросил кто-то из стаи.

Ответа не последовало. Фигура Фёдора не двигалась, сородичи воспринимали смелого шиячи как-то странно, словно вместо самого соплеменника они наблюдали след, отпечаток на пластичном континууме.

«Оставайтесь на месте», – велел Первый остальным членам стаи, и сам осторожно двинулся к Цели, скользя по поверхности трёх измерений.

Однако кое-кто его послушался. Маришка молча нырнула в холодные воды пространства и появилась неподалеку от Фёдора, такой же эфемерной тенью.

«Мариша...» – растерянно прокатилось по стае.

«Стойте на месте», – повторил вожак.

Внутри у Первого всё сжалось от дурных предчувствий. Он с трудом удерживался от того, чтобы нырнуть вслед за двумя сородичами. Пожалуй, раньше он бы так и поступил. И стая, без сомнений, последовала бы за ним. Но сейчас ему удалось сохранить холодную голову.

Вожак медленно дрейфовал в вакууме. Неспешное течение континуума несло его вперед, мягкие волны темной энергии гладили узоры на поверхности громадного тела. Все чувства Первого были напряжены до предела, выискивая малейшую странность в окружающем пространстве. И спустя некоторое время эта странность была найдена. Поток, в котором плыл вожак, вдруг стал изгибаться, словно встретив на своем пути какое-то препятствие. Само препятствие никак не ощущалось, о его наличии можно было только догадаться.

Первый остановился. Он разрывался между огромным желанием вызволить двух собратьев из аномальной области и долгом, который велел ему отвести стаю подальше от опасного места. Неизвестно, что в конце концов выбрал бы вожак, если бы его размышления не прервали:

«Бедные глупые шиячи...»

Фраза возникла в сознании Первого словно сама собой, но при этом у неё был отчетливый запах чужеродности. Как если бы кто-то передал вожаку идеи и эмоции, а те, в свою очередь, подобрали под себя нужные слова из лексикона адресата.

«Кто ты?» – огляделся вокруг шиячи.

В обозримом пространстве не наблюдалось никого постороннего.

«Если понимаешь меня – не лезь в эту Странность», – всплыла новая фраза.

«Почему? Что там?» – Первый продолжал вертеть головой, всматриваясь в глубины других измерений.

«Там – смерть для подобных тебе», – заявил невидимый собеседник.

«Фёдор и Маришка... мертвы?» – вожака словно оглушили чем-то тяжелым.

«Шиячи не могут выжить без пространства. Но... имена? Откуда у вас имена?»

«Сложно сказать».

«И мышление... необычно разумное для животного...»

«Мертвы, – повторил вожак. – Мы проделали такой большой путь – для чего? Чтобы умереть? Я не понимаю...»

«Я много циклов изучаю эту Странность. Шиячи периодически проникают в неё и гибнут целыми стаями. Мне до сих пор непонятно, зачем вы это делаете. Может, ты объяснишь?»

Первый не ответил. Незримый собеседник, очевидно, не слышал зов Цели.

«Мне жаль, что твои сородичи погибли. Если я чем-то могу помочь – скажи».

Вожак чувствовал себя раздавленным и опустошенным. Он хорошо помнил момент, когда впервые услышал тихую песню Цели – в бескрайних просторах галактического гало, за тысячи световых лет отсюда. Тогда Первый решил, что ради достижения источника этого зова стоит покинуть богатые шокухини шаровые скопления и пуститься в плавание по опасным водам пространства. Он повел за собой стаю, сотни шиячи, доверивших ему свои жизни, смотревших на него как на безусловного лидера, того, кто приведет их к чему-то новому и интересному. Оказалось, что привел к смерти. Лишь случайность помогла избежать гибели всей стае. Ошибкой было поддаться любопытству, ошибкой было утянуть за собой всех остальных, не удостоверившись, не убедившись, что это безопасно. Этот зов – почему он так привлекателен? Даже теперь...

Первый обернулся к своим сородичам. Они смотрели на него, смущенные, не понимающие, но с тем же доверием, что и обычно. Невозможно было предать это доверие.

«Я привел вас к Цели, – обратился вожак к стае. – Но сейчас понимаю, что мы зря тронулись в этот путь. Я подвел вас. Но впредь такого не повторится. Мы вернемся к безопасным водам, полным шокухни. Там мы будем расти наших детей. Мы передадим всем шиячи, которых встретим, что зов Цели ведет к смерти. Но по дороге домой мы заглянем ещё в одно место».

«Ты спрашивал, чем можешь помочь, – обратился Первый к невидимому собеседнику. – Укажи мне путь к одной планете. Я был там всего раз, но почему-то хочу побывать ещё».

«Хм. Если ты там был – значит, путь тебе известен. Надо лишь вспомнить».

Пространство вокруг Первого вдруг наполнилось сиянием, узоры на шкуре шиячи вспыхнули внутренним светом, и перед мысленным взором вожака предстала ясная картина всего проделанного пути. Теперь он знал, куда плыть.

«Спасибо... э-э... как тебя зовут?» – поинтересовался шиячи.

«Эколог. А тебя?»

«Кажется... Сергей».

«Счастливого пути, Сергей! Тебе и твоей стае».

«Подожди. Ещё одна просьба...» – проснулся космонавт.

Всплеск. Первый сориентировался, послал импульс «сюда» остальным шиячи и снова нырнул. В таком режиме стая передвигалась уже несколько дней. По словам Эколога, вскоре они должны были войти в обитаемую область кагаку-шани.

Сергей всё глубже вникал в повседневную жизнь шиячи. Громадные существа были очень общительны и дружелюбны, конфликты внутри стаи были редким явлением (за всё время наблюдений космонавт стал свидетелем всего одного такого случая, да и тот ограничился словесной перепалкой). Оказалось, что «сородичи» обожают слушать разные истории. Сергей обнаружил это случайно, «краем уха» услышав одну из них. Рассказывал Дима-старший, отец большого семейства. Что-то про полеты, шокухни и голод. Повествование шиячи было примитивно, на уровне фантазий первоклассника, и Сергей решил поведать стае что-нибудь поинтереснее. Ну вот, к примеру, «Моби Дика»... С трудом продравшись сквозь объяснения, что такое «море», «корабль», «человек» и «гарпун», космонавт уж совсем, было, плюнул на это дело, но шиячи потребовали продолжения. А потом дружно и шумно обсуждали героев. Больше всего «сородичей» удивило то, что кит мог плавать только в воде.

«Ну и дурак же он», – заметил Семён, и был поддержан остальными.

Сергей уже научился брать контроль над телом своего симбиота в нужные моменты – примерно так же, как человек может контролировать своё дыхание, если ему потребуется. Поэтому проблем с общением с шиячи не возникало. Проблему же общения с людьми должна была решить помощь Эколога.

Всплеск. «Сюда».

«Ближайшая развитая цивилизация – кагаку-шани, – вспомнил Сергей слова невидимого собеседника. – Они смогут говорить с вами примерно так же, как я. Я передам им твою просьбу. Уверен, тебе помогут. Кагаку-шани ценят сотрудничество с Советом. Следуйте за всплесками пространства».

Во сне Первый всё чаще видел один яркий образ: крохотная фигурка шиячи внутри огромной прозрачной фигуры человека.

Исполинское тело Первого было опутано тонкой паутиной монтажных конструкций. Длинные хоботы строительных ботов медленно елозили по площадке размером с футбольное поле, расположенной на голове шиячи. Из раструбов этих шлангов выплескивалось серебри-

стое вещество, растекаясь вдоль силовых линий проектного поля. Опорный фундамент конструкции уже был завершен, сейчас шло наращивание округлых стен и потолка.

«Выберете опцию голосовой связи и попробуйте произнести что-нибудь вслух», – попросил Сат-Ки.

– Раз-раз, проверка, – послышалось из динамика, укрепленного на одной из монтажных штанг.

Звук был очень громким, его эхо гуляло внутри громадного ангара ещё несколько минут.

«Хорошо, – инопланетянин склонил голову на длинной шее в знак одобрения. – Теперь проверим функции радиосвязи, – правой нижней рукой он достал маленький прибор, посмотрел на него и со вздохом добавил: – Каменный век. Выберите канал один».

– Чего такой грустный вид, Сат-Ки? – послышалось из прибора.

«Мне придется покинуть своих жён на полгода из-за этой поездки, – ответил высокий инопланетянин. – Тебе, холостяку, не понять».

– Да ладно, развлечёшься на Земле, – подбодрил его Сергей. – Знаешь, какие у нас там места есть? Ух!

«Видел я отчет о твоей планете, – отмахнулся левыми руками Сат-Ки. – Дыра дырой. Если бы не твой уникальный случай, мы бы ещё лет семьсот туда не совались».

– Зря ты так, – обиженно заметил космонавт.

«Проверим гиперсвязь. Выберите опцию межзвездной связи и пункт Третья Колония на Мелемине», – вернулся к официальному тону ученый.

Сергей послушно активировал функцию в мысленном интерфейсе, который ему установили кагаку-шани, и отправил на Мелемин «Космические дай пять!».

Пока Первый проходил на поверхности планеты «модернизацию», стая шаталась по окрестным закоулкам системы. Инопланетяне организовали шиячи подкормку из искусственно созданных концентраторов плазмы – не шокухни, конечно, но есть можно.

Как оказалось, кагаку-шани рассчитывали извлечь для себя пользу из работы с вождем стаи. Исполинские существа обладали природным даром проникать в двенадцать измерений, в то время как технические возможности инопланетян позволяли использовать только семь. Ученые были намерены провести анализы «глубоких нырков» шиячи и для этого возводили конструкцию на голове Первого, в которой предстояло жить и работать команде исследователей.

«Полгода пролетят – не успеешь обернуться», – сказал на одной из первых встреч Сат-Ки.

Тогда худой и нескладный (с точки зрения землянина) ученый ещё не знал, что тоже будет участвовать в экспедиции.

«Я не против, – хмыкнул Сергей. – Если операция по разделению невозможна...»

«Это убьет одного из вас. Либо шиячи, либо тебя».

«Ясно, – подавленно констатировал бывший бортинженер. – Что ж, будем искать положительные стороны. Симбиоз дал мне возможность путешествовать к звёздам – за такое многие мои знакомые полжизни бы отдали».

«Всё у вас вверх ногами, – вздохнул Сат-Ки. – Вступаете в симбиоз, чтобы лететь к звёздам. А мы летим к звёздам, чтобы вступить в симбиоз. Развитые цивилизации приносят пользу друг другу. Кагаку-шани не стремились к контактам с другими расами, пока не нашли то, чем могут быть им полезны. А чем могут быть полезны люди?»

«Да мало ли чем... Ну не сейчас, так в будущем станем... Не бурчи».

Конструкция, укрепленная на голове Первого, чем-то напоминала тыквенную семечку: серебристый овал с выпуклой крышей. Внутри большую часть пространства занимало оборудование ученых и центральный аналитический зал. Всего в экспедицию отправлялось двадцать кагаку-шани, среди них – несколько специалистов по контакту с «малоразвитыми расами».

– Слушай, Сат-Ки, – Сергей вывел на общий экран свой аватар. – А у вас есть мощные лазеры?

«Лазеры – каменный век», – вяло отреагировал тощий инопланетянин.

Он проверял работу кухонного комбайна – жевал какую-то гадость.

– Да у тебя всё «каменный век», – недовольно заметил космонавт.

«Так и есть. Ты, Серега, с дикой планеты, – наставительно помахал вилкой ученый. – Я же тебе фильм про нас в интерфейс загрузил – сам сравни. А зачем тебе лазеры?»

– Хочу установить на симбиота. Парочку хотя бы, с боков головы. И управление на интерфейс вывести. Представляешь: появляется на пути какой-нибудь такохеби, а я по нему – ррраз!»

«Не, нельзя».

– Почему?

«Вмешательство в экологию космоса. Совет не одобрит».

– То есть, пусть такохеби пережевывают научную экспедицию, лишь бы Совет косо не посмотрел?

«Разве у шиячи нет какого-нибудь животного инстинкта, предупреждающего о хищниках?» – Сат-Ки накрутил на вилку новую порцию неаппетитной продукции кухонного агрегата.

– Если бы... – мрачно ответил космонавт.

«Не волнуйся. У нас есть карты и схемы миграции опасных существ. Задействуй функцию навигации, там всё понятно нарисовано».

– Эх, где ж ты раньше был со своими схемами...

«Завтра вылет. Ты готов?»

– Конечно. Моя стая уже заждалась, терпят меня каждый день, словно дети перед прогулкой.

«Твоя стая?» – усмехнулся Сат-Ки.

– Да. Моя.

Шиячи скользили в прозрачных водах космоса. Светящиеся линии на их гладких шкурах меняли свои узоры, подстраиваясь под волны темной энергии. На голове вожака в тусклом свете звёзд мерцал серебристый нарост.

Первый вел стаю в обход опасных зон, подальше от когтистых щупалец такохеби. Глубины двенадцати измерений раз за разом сменялись поверхностью трехмерного мира, инопланетное оборудование исправно поставляло ученым данные для анализа. По словам одного из них, шиячи передвигались гораздо быстрее космолетов кагаку-шани, поскольку могли использовать большее количество измерений.

«Не зря у нас говорят „быстр как шиячи“, – заметил руководитель научной экспедиции. – Надеюсь, когда-нибудь и мы сможем достичь подобной скорости».

Сергею было достаточно того, что он направлялся к Земле, но мысль, что он летит туда на всех парах, безусловно, согревала. Он представлял себе, как удивятся в ЦУПе, когда блудный космонавт выйдет на связь. Хотелось бы увидеть лица приятелей в этот момент. Валера, небось, опять байк поцарапал... И родители – наверняка ждут его, вопреки всему. Отец, конечно же, будет ворчать, мол, вот до чего твои полеты тебя довели. А мать только вздохнет. И со словами «глаза боятся, а руки делают» сядет вязать 10-километровый свитер, чтобы родной сыночек не простудился в холодном космосе. Как сказать им, что он не сможет остаться?

«Сергей, может, перекусим?» – пришел импульс от одного из шиячи.

«Хочу шокухни! – категорично заявил другой. – Еда ученых – не вкусная!»

«Точно!» – поддержал третий.

«Сделаем привал», – согласился космонавт.

«Балуешь ты их, – буркнул Сат-Ки. – Недавно ведь ели».

Согласно навигационным картам кагаку-шани до Солнца оставалось пройти полтора световых года. С такого расстояния родная звезда выглядела лишь немного ярче остальных звёзд. Но для шиячи это было практически рядом: один глубокий нырок – и ты там.

С того момента как космонавт перебрался с МКС «на борт» шиячи пролетело два месяца. И хотя Сергей понимал, что полноценное возвращение домой (с объятиями близких людей и совместным чаепитием) для него невозможно, он всё-таки желал оказаться возле Земли как можно скорее. Поэтому не стал тянуть с последним шагом и сходу нырнул под поверхность трёхмерного мира. В раскрывшихся навстречу глубинах его глазам предстало нечто длинное и темное, похожее на шипастую лиану. Это было щупальце такохеби.

«Назад!» – послал Сергей импульс остальной стае.

Но было поздно. Черная «лиана» распалась на миллионы когтистых нитей, которые развернулись широким раструбом гиперконуса, охватывая появляющихся шиячи плотной сетью. Из глубины окружающего пространства подтянулись другие щупальца, перерезая пути к отступлению.

«Посылайте сигнал о помощи, – распорядился руководитель ученых. – И отметьте на картах новый опасный участок».

Стая шла довольно растянутым строем, такохеби пришлось охватить своими щупальцами большую область, поэтому у шиячи ещё оставалось пространство для маневра.

«За мной», – коротко бросил соплеменникам Сергей и скользнул в сторону.

Сородичи ускорили движение, стараясь не отстать от вожака. Из рыхлого, словно рассыпанного небрежным взмахом руки, построения начал собираться плотный кулак стаи. Самые сильные и крупные шиячи приблизились вплотную друг к другу, образуя своеобразные стенки кокона, внутри которого держались особи поменьше и молодняк. На острие получившегося «веретена» шел Первый.

Одно за другим раскрывались измерения перед вожаком. Стремясь уйти от сетей такохеби, он погружался всё глубже и глубже, выискивая прореху в сплетении шипастых нитей. И раз за разом путь ему преграждали длинные черные росчерки. Когда стая достигла предельной глубины двенадцати измерений, Сергей понял, что щупалец хищника им не миновать: все мыслимые направления были перекрыты.

– Будем прорываться, – предупредил он ученых.

«Предположительные потери?» – быстро спросил Сат-Ки.

– Один будет точно, – с мрачной решимостью ответил космонавт. – Надеюсь, такохеби этого хватит.

Кагаку-шани молча переглянулись.

«Сергей, быть может, стоит немного подумать? – осторожно донес свою мысль руководитель ученых. – Наша экспедиция очень важна. Кроме того, мы все хотели бы вернуться к своим близким. И ты, как вождь стаи, не можешь оставить своих сородичей без присмотра. Как насчет того, чтобы занять безопасное место в центре построения? Нет нужды жертвовать собой, если этого можно избежать».

– Я – Первый, – резко ответил космонавт. – Тот, кто заботится о стае. И сейчас я должен вызволить моих шиячи из ловушки. А если вы думаете, что ваша жизнь более ценна, чем жизнь Димы или Семёна, то заблуждаетесь. Все разумные существа для меня тождественны и равноценны.

Не слушая дальнейших возражений, Сергей послал импульс «Вперед!» и взмахнул широким хвостом.

Живое веретено устремилось навстречу тонким щупальцам такохеби, быстро разогнавшись до максимальной скорости. Крючковатые нити по ходу курса стали собираться в плотную паутину, чтобы предотвратить прорыв. Ещё чуть-чуть – и шиячи в отчаянной попытке

вырваться на свободу врезались бы в тенета хищника. Но тут перед глазами Первого возникло эфемерное свечение.

Маришка. Это была она. Её оттенок светящихся линий, её изящные плавники, её глубокий взгляд. И её импульсы. «Делай как я», – донеслось до Сергея. И ещё кое-что, специфичное, насчет рисунка линий на плавниках и темных волн энергии.

Космонавт не знал, видит ли Маришку кто-нибудь кроме него, действительно ли она появилась здесь или это его разыгравшееся воображение, но одно он знал точно: Маришка ненавидела такохеби и не стала бы подвергать стаю опасности. Доверившись голосу интуиции, Сергей передал импульс сородичам и резко изменил курс.

Подгоняемые волнами темной энергии, шиячи неслись к поверхности. Десять измерений... семь... Гигантские щупальца хищника приближались к стае, сжимали сети всё плотнее и плотнее. Пять измерений... Образ Маришки начал исчезать, истаявать, словно туманная дымка, но вожак уже знал, что надо делать. Три измерения... Далёкое Солнце в окружении звёзд и черные нити повсюду, куда ни кинешь взгляд, почти касаются своими крючьями. Два, одно, ноль...

Миг абсолютной свободы. Ощущение невероятного простора. Непривычность и, вместе с тем, ясность восприятия. Всего мгновение над океаном пространства, прежде чем погрузиться в него опять, но уже в другом месте.

Тонкий серп родной планеты сиял мирным голубым светом. Дом, где тебя ждут – что может быть прекраснее во всей вселенной? Сердце космонавта пело от радости, он готов был кружиться и смеяться, толкать в бока измотанных сородичей и кричать, словно в детстве, с порога: «Я вернулся!»

Сергей заглянул через камеры в модуль ученых, ему хотелось приободрить их чем-то вроде «Эгей, мы это сделали!», но, заметив следы пережитого шока на лицах кагаку-шани, космонавт решил не травмировать тонкую психику инопланетян бравурными возгласами. Ученым требовалось время, чтобы в спокойной обстановке прийти в себя.

– Дамы и господа, – будничным тоном произнес Сергей, – мы совершили успешный выход на орбиту Земли. Температура за бортом м-м... довольно низкая, местное время – 20 ноября, если я ничего не напутал. Пожалуйста, не покидайте защитный модуль до окончания движения.

«Давай уже снижайся на поверхность, умник», – проворчал Сат-Ки.

Одно из приемных устройств в ЦУПе внезапно ожило, и зал координации полетов огласило сообщение:

– Бординженер Колесов запрашивает разрешение на посадку. Со мной тут ребята прилетели, надо бы организовать им встречу. И мы с сородичами потом немного перекусим, если вы не возражаете. Дорога не близкая была, проголодались.

Стая шиячи плавно спускалась в атмосферу Земли, скользя над степями Казахстана. На правом плавнике вожака светящиеся линии образовали странный узор, в котором можно было угадать русские буквы: «за вас».

Диссимуляция души

Андрей Анисов

Куар всю ночь пролежал на кровати, не сомкнув глаз.
Какой путь выберет для него Консорциум? Медицина? Не хотелось бы. Может, Технология?

День рождения... восемнадцать лет.

Куару отчётливо врезался в память момент, как мама в первый раз привела его к бесконечно высокому зданию общежития. Ему было всего три года.

– Ну вот, Куар, теперь ты будешь здесь жить. – Мама расправляет его светлые кудряшки.

Она присаживается. С мамой что-то не так: из её глаз льётся вода. «Ма...» – хочет сказать ей мальчик, но не успевает – она сжимает его в объятиях.

Подходит папа.

– Сынок, помни: как бы ни складывалась твоя жизнь, главное – не запирай душу в тёмном чулане.

– И как зовут это чудное создание? – спрашивает старушка в треугольных очках.

– Меня зовут Куар! – раздаётся звонкий голосок.

– Как мило! А меня директор Грюниоф, – улыбается старушка. Куару она не нравится. – Ты уже попрощался с родителями? Тогда пойдём, познакомлю тебя с новым домом.

Она протягивает холодную руку.

После этого Куар слышал о родителях лишь раз, когда...

«*Диадема – милый дом, нас укутает теплом...*» – запел будильник интерактивной системы общежития. Однако вместо привычных новостей, реклам, фотографий из соцсетей, клипов, рассылок онлайн-магазинов – цифровые панели залепила единственная надпись: «С Днём рождения!»

– Спасибо, – выдохнул Куар, подготавливаясь к предстоящей «лотерее».

«*Сообщаем, что по итогам всего срока обучения сферой Вашей работы в Консорциуме Пяти становится...*»

Куар, затаив дыхание, жадно ловил глазами мелькающие слова.

«*Власть*» «*Медицина*» «*Технология*» «*Культура*» «*Развлечение*».

Слова на секунду исчезли.

– Давай уже быстрее.

«*Культура*».

* * *

Работа в архиве оказалась не столь нудной, как Куару представлялось. Процесс систематизации не удручал. Всё лучше, чем бегать с концертными чемоданами Аш-Хойши, как это сейчас делал Вилье, его школьный друг.

Пускай Куар и не выделялся из массы других работников, – тому не способствовала и белая одежда сотрудников архива – зато свои задания он выполнял качественно, что подтверждали периодические бонусы. С противным звуком, оповещавшем о конце рабочего дня, все заканчивали трудиться и возвращались в свои квартирки-отсеки на окраине Диადемы, огромного и единственного города Консорциума Пяти.

Куар и не смог бы работать плохо. Директор Грюниоф искоренила в учениках, казалось, все качества, препятствующие развитию трудолюбия.

Она лично преподавала в школе Консорциума предмет по «Эмоциональной устойчивости». Уже то, что его вела сама Хрюниофка, – как её окрестили в школе, – вызывало у учеников сковывающий ужас.

«Я хладнокровен, Диадема не приемлет чувства» – неоновый плакат в классе должен был настраивать на рабочий лад.

Страх попасть в немилость директора сдирал с лица все эмоции ещё до начала занятия. Ученики знали, чем грозит невыполнение устава школы: изгнание, навсегда. Мечты о будущей работе и жизни в Диадеме можно собственноручно утопить в электромагнитном море, соединяющем главный город Консорциума и Пронизи – острова-изгои, от жалкого существования на которых родители старались избавить своих чад.

Школа Консорциума – исключительный шанс попасть в Диадему. Но за это придётся пожертвовать самым дорогим: чувствами и эмоциями. Родители учеников считали, что уж лучше так, чем погибнуть от голода из-за уничтожения урожая кислотной пылью на одном из островов.

Куар ловко дирижировал руками, перекидывая информацию из папок. Внезапно он замер, увидев фотографию бирюзовой птички, обитающей на одном из диких островов. Кончики пальцев слегка подёрнулись, в лицо ударил жар. С усилием, словно отодвинул что-то тяжёлое, Куар перекинул фотографию в папку «Жизнь аборигенов Пронизи-Ч7», огляделся, не заметил ли кто на его лице проблески эмоций, и принялся дальше за работу. Но воспоминания о том уроке не покидали его до конца дня.

... Взгляд из-под очков ужалил.

– Куар, подойди! – вызвала Грюниоф. – Повтори-ка ещё раз главный тезис работника Консорциума.

Костлявые пальцы вмялись в его плечо.

– Работа – основное, что занимает мысли! Чувства – песок, замутняющий воду! Выпей стакан чистой воды и погрузись в работу! – отчеканил Куар.

– Молодец. Класс, повторите!

– Работа – основное, что занимает мысли! Чувства – песок, замутняющий воду! Выпей стакан чистой воды и погрузись в работу! – поднялись и, выпрямившись по струнке, хором повторили дети.

– Умницы, садитесь! – расплылась в улыбке директор. – А сейчас выполним одно задание. Куар, иди на своё место.

Она приглушила свет и включила проектор.

– Итак! На экране будут появляться фигуры, а вам следует правильно запоминать их очерёдность. – Грюниоф обвела класс наблюдательным взором. – Начинаем!

На экране, сменяя друг друга, стали возникать геометрические фигуры.

«Призма, куб, ромб, конус, трапеция... э-э-й... сбился. Призма, куб, ромб, конус, трапеция, пирамида, цилиндр, овал. Запомнил!»

Куар систематически выполнял тесты по тренировке памяти, и это задание особого труда не вызвало. В отличие от Лирка, худого веснушчатого неумехи, у которого всё постоянно валилось из рук.

– Ромб, овал... потом... ай, не успел. Конус, ромб, ... – бубнил он под нос.

Куар отщипнул от гнущейся ручки, скрутил шарик и бросил в Лирка, попав в острый подбородок. Тот рывком обернулся и забежал глазами в поиске сбившего его с мысли. Куар чуть было не рассмеялся при виде его растерянного взгляда. Но тут же проглотил улыбку, зная, что может случиться, если учитель заметит на его лице эмоцию.

Грюниоф тем временем подошла к клетке с любимым питомцем учеников – бирюзовой четырёхкрылой птичке Флавви. Она обернулась и, заметив, что за ней следят, закричала:

– Запоминаем фигуры!

Ученики вернулись к экрану, но могли наблюдать, как Грюниоф открыла клетку, протиснула туда руку и сжала птицу в кулак. Флавви, как всегда, тихонько попискивал. Двумя пальцами другой руки она некоторое время поглаживала Флавви по пятнистой головке, как внезапно обхватила её рукой и с силой провернула. Флавви жалобно пискнул и затих. По классу разошлись испуганные возгласы.

– Молча-а-ать! – заорала Грюниоф, бросив на пол неподвижное тельце Флавви. – Запомнили?!

Она выключила проектор и подскочила к мальчику позади Куара.

– Вилье, повтори!

– Р-р-ромб, к-к-конус, дальше... э-э-э... – дрожащим голосом заговорил ученик.

– Сел! Эквайла, как насчёт тебя? Тоже решила поставить под сомнение тезис Консорциума? Эмоции или работа. Назови фигуры!

Грюниоф нависла над лучшей ученицей класса.

– Призма, куб, ромб, конус, трапеция, пирами... – Эквайла замолчала, искоса глянула на Флавви, лежащего кверху лапками, и по её щекам потекла вода.

«Как тогда, у мамы», – подумал Куар.

– Что-о-о?! Слё-ё-ёзы?! Немедленно сообщаю об этом судье Брейзу! Надеюсь, он отправит тебя на пару дней на Пронизь-К1! Там-то ты не поплачешь, ледяной ветер проест твои заплаканные щёчки до самого мяса!

Подобные наказания устраивали регулярно. Никто не хотел попасть в немилость к одноглазому судье и одновременно исполнителю приговора Брейзу. А тем более очутиться на пустынно-ледяном Пронизь-К1.

Нет эмоций – нет проблем. Истина, которую школа Консорциума Пяти вбила в сознание каждого будущего работника.

Ю-у-у-у... – завыв оповещатель.

Куар приблизился к аутентификатору. Лучи сканера пробежали по сетчатке. Распознавание завершено, доступ к компьютеру заблокирован.

Выстроившись в шеренгу, работники стали продвигаться к выходу. Кто-то сзади ткнул в спину, Куар обернулся. Каменное лицо Лирка не выделялось из тысячи таких же лиц сотрудников архива, но его глаза, сдавалось, проживали отдельно от него свою наполненную азартом жизнь.

– Что после работы? – спросил Лирк. Казалось, со школы веснушек на лице только прибавилось.

– Домой, – кинул Куар.

– Ты чего? Завтра выходной же. Не знаешь?

– Знаю. День Консорциума Пяти. И что с этого?

– Как «что с этого»? Все в Айсберг идут. К тому же сегодня день, когда можно... – Лирк замолчал, проходя рядом с суровым верхоглазом. Охранникам необязательно лишний раз слышать о желании дать волю чувствам.

– Мне не надо, – пожал плечами Куар.

– Не верю, что Хрюниофка выбила из тебя всё живое.

За такие слова можно было поплатиться не только работой, но и возможностью жить в Диадеме. Друзья, однако же, могли говорить открыто, не опасаясь, что на следующий день верхоглазы скуют мышцы нейродубинкой и направят к судье Брейзу.

– Жди меня на выходе, – прошептал Лирк.

* * *

Возвышающийся в центре Площади Рекреации колпак Айсберга – развлекательного комплекса – утопал в красочной иллюминации. Это было место, где за оплату разрешалось то, из-за чего вне стен этого заведения могли надолго сослать на Пронизь-Ю9, остров заточения, или вовсе выдворить за пределы Диადемы.

Чувства и эмоции – то, за чем работники тянулись в Айсберг.

Гнев, радость, удивление, отвращение, интерес, презрение, стыд и другие чувства высвобождались в упрятанном глубоко под землёй Айсберге, без риска оказаться замеченным верхоглазом или одной из зорких камер Диадемы.

Самым популярным заказом считалась *радость*. Танцы, представления комиков, интерактивные игры, путешествия по виртуальным мирам – всё это невозможно оценить в полной мере без этой, пусть и недешёвой, покупки.

Прижимистые могли, конечно, скоротать время, ничего не купив, однако такой досуг не только оказывался унылым, но мог сыграть в обратную сторону: невольная эмоция каралась штрафом, а при отсутствии возможности оплатить следовала двухнедельная отправка на неизменно жаркий Пронизь-С14.

– Что надо? – лениво спросил на входе тучный кредитёр с лоснящимся лицом.

– Абонемент, на всё, – мажорно ответил Лирк и широко улыбнулся, от чего кредитёра заметно передёрнуло. Он впился в Лирка прикрытыми от света фонариков глазами, давая понять, что за выражение эмоций до их приобретения накладывался штраф. Но веское «на всё» заставило его опустить руку в карман пиджака, вынуть чип-билетёр и оставить на шее Лирка заветное «БЕСПРЕДЕЛ».

– Добро пожаловать в Айсберг, – пробасил тучный. – Тебе что?

– Мне... – стусевался Куар. Он вообще не планировал идти, к тому же вываливать почти все заработанные за год деньги на «беспредел». – *Грусть*, пожалуй.

– Какая *грусть*?! – возмутился Лирк. Он уже успел попрыгать, истерически рассмеяться и невесть чего испугаться. – Бери *радость*!

– Хорошо, *грусть* и *радость*, – поддался Куар.

Кредитёр протянул считывающее устройство. Куар провёл над ним чипом, встроенным в ладонь. Послышался одобрителный сигнал устройства – деньги списались. Шею украсили два штриха-пропуска.

В Айсберге было шумно и многолюдно. Белые культурщики, зелёные технологи, серые властители, красные медики, жёлтые развлекатели – весь город пришёл, чтобы как следует отметить День Консорциума Пяти и выразить почтение к его правителям: губернатору Зо, судье Брейзу и недавно занявшей пост корректора эмоций старушке Грюниоф.

Многих сегодняшняя ночь притягивала и снятием запрета на то, что люди таили в себе и за что, порой не выдерживая, изгонялись из Диадемы. Этим магнитом, притягивающим сильнее, чем возможность обхохотаться до упаду, были слёзы. Печаль приходилось встречать с тем же безжизненным лицом, с которым и проживали каждый день в Диадеме. Постоянно следящие, даже дома, датчики эмоций не позволяли пролить ни слезинки.

– Не останавливайся! – вёл за собой Лирк, перекрикивая гремящую музыку.

Куар спешно следовал за пробивающимся через толпу другом, на ходу осматривая помещения спецзалов. В одном, блуждая в сизом тумане, все навзрыд рыдали. В другом, где экраны проецировали лица, должно быть, ненавистных людей, все озлобленно рычали, рвали зубами подушки. Из третьего, где находились дамы в розовых одеяниях, доносился притворный смешок, неискреннее удивление и лживый плач.

– Сейчас начнётся!

Лирк остановился перед пышно оформленной сценой.

– Что?! – прокричал Куар, зажатый между хлопающих в ладоши гостей Айсберга.

– Сегодня Аш-Хойши выступает!

Взоры ликующей толпы были устремлены на сцену. Зрители, судя по лицам, с нетерпением ждали выступления. Сотни балконов занимали, вероятно, лучшие представители Власти. Одно ложе, змееподобной формы, находилось поодаль от других. Оттуда, несомненно, открывался лучший вид на сцену. Хотя ложе было довольно далеко, но Куар сумел разглядеть обожжённое, покрытое рубцами лицо губернатора Зо. Рядом с ним сидела – в тех же треугольных очках – Грюниоф, а позади, скрестив за спиной руки, величаво возвышался судья Брейз.

«Началось, началось!» – загудела толпа.

Свет погас. Сцену остались освещать разноцветные софиты. Карлик-конферансье в лимонном костюме и такого же цвета чепчике подковылял к микрофону и прокричал:

– Встречайте! Несравненная Аш-Хойши!

Зрители засвистели. Некоторые, кто не оплатил *радость*, встречали певицу сухо, без проявления готовых вот-вот вырваться наружу эмоций.

Карлик убежал, а из другого конца сцены, сверкая блёстками на струящемся красном платье, вышла она... Аш-Хойши, богиня песнопения.

– Я безумно рада присутствовать с вами на этом празднике. – Она кокетливо скинула с лица огненно-рыжую прядь. – Пусть наши сегодняшние эмоции послужат во благо будущим успехам Консорциума. А мои песни – согреют душу творцам и жителям Диადемы.

Аш-Хойши склонила голову и, выждав ритм тёплой мелодии, запела. Это была прекрасная песня, восхваляющая труд работников Консорциума.

Куар не умел петь и на миг даже испугался, что датчики могли счесть его выражение лица *завистью*, которую он не оплатил. Открытый от изумления рот трансформировался в улыбку – так больше походило на *радость*.

«Вашу преданность оценит город,

Труд наш не напрасен – скоро

Счастье к нам грядёт, бесспорно...»

Аш-Хойши пела третью песню, как Куар вдруг почувствовал, что кто-то взял его за плечи, с силой развернул и впился в него поцелуем. Куар схватил «напавшего» за руки и попытался освободиться. Пальцы вряд ли были мужскими – уже хорошо! Но губы не желали отлипнуть. Краем глаза Куар заметил, как через толпу, нагло светя фонариками в лица, пробирались трое явно чем-то встревоженных верхоглазов. Целующаяся парочка их не заинтересовала. Продолжая сверкать фонариками, верхоглазы прошли мимо.

Пальцы разжали голову. Губы, наконец, отпустили. Из-за царящего сумрака и от того, что человек напротив испуганно мотал по сторонам головой, рассмотреть его не удавалось. Единственное, Куар заметил, что волосы у него были примерно до плеч.

Удостоверившись, что верхоглазы скрылись, человек приблизился и прошептал:

– Спасибо.

После этого он (она?) нырнул в толпу.

Куар уже не слышал, о чём пела Аш-Хойши. Резонирующее в голове «спасибо» было столь благозвучным, что, зачарованный, Куар последовал за тем, кто его произнёс.

– Ты куда?! Ещё не конец!

Голос Лирка звучал из другой реальности. Сам Куар находился там, где существовала лишь она: исчезающая в толпе незнакомка.

* * *

– Постой! – окликнул Куар фигуру, спешно отдаляющуюся от Айсберга.

– Смотри, куда прёшь! – высунулось из пролетающего мимо «Эребуса» небритое лицо.

Куар перебежал дорогу.

– Извините, извините... – кивал он случайно задетым прохожим, тарасившимся на витрины, подсвеченные яркой люминесценцией.

– Куда она... где же?.. Вот.

Предусмотрительно оглядевшись, беглец нырнул в переулок. Куар рванул следом.

От удара в правую скулу отбросило к стене. Что-то холодное упёрлось в горло. Куар сумел вывернуть шею голову и рассмотреть напавшего. Человек в чёрном капюшоне прижимал его к стене продолговатым, похожим на жезл предметом.

– Ты следил за мной? – строго спросила незнакомка. Из-под капюшона, скрывавшего лицо, спадали чёрные волосы.

– Я... – Он попытался убрать удушающее оружие. – Может, отпустишь?

– Говори!

Она сильнее надавила на кадык.

– Почему ты убегала? – прохрипел Куар.

– Не твоё дело. Или ты один из них?

Она снова налегла на оружие, так что у Куара стало темнеть в глазах.

– Ко... го?

Незнакомка, наконец, убрала жезл. Куар, согнувшись, зашёлся в кашле.

– Не похож ты на них. – Орудие сложилось вдвое. Она спрятала его во внутренний карман куртки.

– Так почему ты прячешься?

Куар, держась за горло, выпрямился.

Беглянка настороженно посмотрела по сторонам.

– Всё непросто. Думаю, тебе можно доверять. Да и выбора у меня нет. Но если почувствую, что ты...

Намекая на возможность очередного применения, она положила руку на куртку, где был припрятан жезл.

– Я помогу.

Незнакомка поправила капюшон, и они вышли из переулка.

* * *

Куар отключил в комнате камеры. Датчик эмоций не реагировал на появление других объектов.

– Будешь эрилий?

– Что?

– Эрилий, газировка.

– Давай.

Девушка взяла бутылку с кислотно-красной жидкостью.

– Можешь снять. Камеры не работают.

Поколебавшись, она откинула капюшон. Из-под косой чёлки, с некоторым стеснением, на Куара посмотрели изумрудные глаза. Бледная кожа выдавала в ней девушку не из Диадемы.

Она сделала ещё глоток и поставила бутылку.

– Я не сказала, как меня зовут. Селея.

– Куар, – кивнул он. Когда молчание стало отягощать, он спросил: —Почему ты всё-таки убегала?

Девушка уселась в плюшевое кресло в виде головы насекомого. Она крестом сложила ладони, словно согревала что-то и заговорила. Голос у неё был тёплый и завораживающий. Как песня.

– Это началось, когда нас направили на Бисер-8, – запела Селея. – Рядовое задание: подавить восстание аборигенов. Мы огородили резервационный сектор, вычислили зачинщиков. Дальше по протоколу: показательная казнь, голод, иногда приходилось... – она замолчала на секунду. – Порой только пытки заставляют их задуматься. Неподчинение правилам Консорциума каралось, они знали это. Непокойный был остров. Мы постоянно получали с него сигналы. *Тоска, страх, разочарование...* Частенько приходилось наводить там порядок, напоминать, кому они подчиняются.

Куар не мог воспринимать историю девушки иначе, чем пересказом сна.

– Там был один мальчик. Бритый наголо. Он каждое утро приходил к сектору, к родителям. А однажды он подошёл ко мне и сказал: «Вы слепы. Вас колотят вашими же палками, а вы этого не видите» – затем улыбнулся и ушёл, как ни в чём не бывало. Следуя директивам Консорциума, я должна была тут же за эмоцию швырнуть его в сектор, но что-то... – Она уставилась на эрилий, словно до сих пор не могла дать себе ответ.

Куар старался оставаться невозмутимым, чтобы датчик не среагировал на изменение эмоционального фона.

– Потом, – выдохнула Селея, – я стала следить за ним. Сейчас могу сказать, что он знал и сам привёл меня.

– Куда? – спросил Куар.

Селея сглотнула.

– Было темно. Он пошёл в лес, я – за ним. Люк был замаскирован, мы с группой много раз там ходили, но не видели. Он открыл люк и исчез под землёй. Я спустилась следом. Лестница уходила глубоко вниз. Там было тепло, горел свет. Вдоль коридора были двери, за которыми... – Она поднялась и начала медленно идти к Куару. – Там были люди, много, они смеялись. Одна дверь открылась, и из-за неё выглянул тот мальчик. Он махнул рукой, мол, иди сюда. Я активировала плазматор и подошла к двери. Там находилась группа людей, человек двадцать пять, тридцать. Они не видели меня, смотрели фильм. Грустный. Они плакали, переживали героям. Вас учили, что нельзя сочувствовать?

– Да, – проскрипел Куар.

– Знаешь, кто были те люди?

Куар не ответил.

– Это сбежавшие. Отсюда. Из Консорциума Пяти.

– Из Кон...

– А знаешь, куда они сбежали? Как называется мой мир? – Она прислонила ладони Куару к груди, приблизилась и так же сладостно, как в Айсберге, прошептала: – Консорциум Десяти.

* * *

Будильник, поездка в вакуумном метро, архив. Но мысли Куара занимала не работа, а въедливые подозрения. Что, если Селея говорила правду? Всё, к чему стремились жители Пронизей, – попасть в главный город Консорциума – оказалось лишь ширмой, закрывающей истинный лик их мира. Да, именно ИХ МИРА, потому что, оказывается, есть ещё один. Должен ли он слепо доверять этой незнакомке? Ответы пока не находились.

– Почему тебя искали верхоглазы? – спросил однажды Куар.

– Я не думала, что меня станут разыскивать, – ответила Селея, поигрывая лучевым кнуром из плазматора. – Наверное, когда я переходила в ваш мир, меня засекли камеры на острове. Люди, которые попали к нам, рассказали про губернатора Зо. Я намеревалась поговорить с ним, расспросить о том, отчего люди бегут из вашего мира.

– Почему ты не пошла к вашему губернатору? – поинтересовался Куар.

– У нас нет губернатора. Консорциум Десяти возглавляет Настоятель. Да и Армии не попасть к нему.

– Кому?

– Армии, – улыбнулась она. Ей это шло. – Власть, Инженерия, Армия, Исследование, Ремонт, Уборка, Граница, Спорт, Детекторий, Кулинария – в этих сферах трудятся в нашем мире.

– Знаешь. – Куар призадумался. – А ведь Власть есть и в нашем, и в вашем мире.

– Да, я обратила внимание. Нас тоже с детства приучают к труду, чтобы затем попасть в Бридель.

– Куда?

– Ну, это как ваша Диадема, только больше раза в два. Есть и маленькие города. Как ваши острова.

– Пронизи, – уточнил Куар.

– Да, только у нас их называют Бисеры.

– На чувства и эмоции у вас также запрет?

– У нас по-другому. Насколько мне удалось узнать, у вас запрет действует только в Диадеме, а на островах они не контролируются.

Куар вспомнил детство. Их дом на Пронизи-У4 находился поодаль от остальных. Он почти не общался с другими детьми. Видимо, родители уберегали его от эмоций, готовили к жизни в Диадеме. Они знали: смерть в нищете или стабильная, но «бездушная» жизнь в городе Консорциума Пяти. Выбор из двух зол всегда предсказуем.

Как-то Грюниоф показала видео. *Медики подходят к телу и, дождавшись красного сигнала на констататоре, удаляются к другому.* «Углекислотная воронка». Жителей Пронизи-У4 не предупредили, погибли все. Грюниоф предлагала досмотреть видео до конца, но Куар не стал. Лишь стиснул зубы.

– В нашем мире чувства и эмоции – это и есть результат труда, – продолжала Селея. – За работу мы получаем поинты, которые в любое время можем активировать. Слезы, кстати, тоже самые дорогие. Всех, кто не работает, карают либо... – Она опустила голову.

– Уничтожают, – ответил за неё Куар. – Значит, сбежавшие в ваш мир лучшей жизни не нашли.

– Не всё так плохо. После каждой операции мы проходим обследование детекторами на предмет возникновения эмоций. В первую очередь, это жалость или сострадание. Я знала, что не пройду, поэтому всё, что мне оставалось, – покинуть Армию. Я сдружилась с теми людьми, из вашего мира.

Куар и не заметил, как за эти пару дней проникся доверием к этой девушке. Или это что-то другое?

– Есть город, Бисер-104. Раньше там держали узников, пока не пришёл новый Настоятель. Тюрем больше не понадобились. Я показала им, как туда незаметно добраться.

– Поможешь мне попасть туда? – Глаза Куара засветились. – Мне кажется, кое-кого из этих людей я знаю.

* * *

Ночью камеры запрещалось выключать, поэтому Селея вынуждена была, накинув капюшон, скрываться в Диадеме. Куар дал ей чип-карту, чтобы она могла в случае чего спрятаться в инфокабинках, узнавая между тем обо всех событиях в городе и изучая внутреннюю архитектуру Консорциума Пяти. Она возвращалась под утро, когда Куар собирался на работу.

Куар выполнял работу настолько это возможно быстро, чтобы в конце недели у него появилась заветные несколько минут, которые он посвящал для разгона туч сомнений.

– «Углекислотная воронка» на Пронизь-У4, – вполголоса, чтобы не услышал сотрудник в паре метров от него, запросил Куар.

«*Выбранная информация отсутствует в базе архива*» – оповестила поисковая служба.

– Последние загруженные данные по Пронизь-У4, – произнёс Куар.

«*Последняя информация загружена вчера в 53:67. Открыть файл по влиянию электромагнитного излучения на самок трёхгорбых эррумов?*»

– Нет. Стереть два последних запроса.

Теперь Куар был почти уверен: Грюниоф его обманула. То видео – подделка. Родители не погибли в воронке. По крайней мере, в это хотелось верить.

Детям, которых привезли в Диадему, нельзя было возвращаться на их родные острова, поэтому единственная возможность встретить родителей – это отправиться в Консорциум Десяти.

– Слышал, что в Диадеме прячется преступник? – спросил после работы Лирк.

– Что?

Куар на секунду опешил, что повернувший в их сторону верхоглаз мог различить в голосе *удивление*.

– Девчонка какая-то. За информацию, кстати, дают немало бонусов. Так что, смотри в оба. Симпатичная, я видел фото.

– Хорошо. До завтра.

– Пока!

Селея собиралась уходить. Она поправила под курткой плазматор и накинула капюшон.

– Подожди, – задержал её Куар.

Селея выглядела измотанной. Подобраться к губернатору Зо никак не удавалось.

Если её искали верхоглазы, выходит, между мирами существовала связь.

– Проведи меня в Бисер-104, – сказал Куар.

* * *

Паром беззвучно парил над волновыми дугами, мерцающими у поверхности электромагнитного моря.

– Зачем вам на У4? – обернулся пожилой паромщик.

– Мы, – Куар взглянул на Селею. – На экскурсию.

– На острове шныряют верхоглазы. Говорят, там кто-то прячется.

Селея сперва хотела расспросить паромщика, но не решилась. Должно быть, когда она на плоту покидала остров, её засекли камеры. Или кто-то заметил, что прибывшие на остров люди бесследно исчезли. В любом случае, надо быть начеку.

– Я высажу вас с обратной стороны, – с испугом в голосе сказал паромщик.

Пронизь-У4 отличался густой растительностью, что в данной ситуации, несомненно, играло на руку – больше шансов пробраться незамеченными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.